

INSPIRIA

«Одна из обязательных
к прочтению книг»

ДЖОН МАРРС

СТРАННАЯ
САЛЛИ
ДАЙМОНД
ЛИЗ
НЬЮДЖЕНТ

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР №1 В 2023 ГОДУ

INSPIRIA

Лиз Ньюджент
Странная Салли Даймонд
Серия «Ток. Главный детектив года»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69974797
ISBN 978-5-04-195623-3

Аннотация

**МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР № 1 В 2023 ГОДУ.
ШОКИРУЮЩИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР О
ДЕВУШКЕ-СОЦИОФБКЕ.
ВЫБОР РЕДАКЦИИ AMAZON СРЕДИ ВСЕХ
ДЕТЕКТИВОВ И ТРИЛЛЕРОВ.**

Мрачный, извращенный и одновременно трогательный триллер о женщине-социофобке, вынужденной противостоять непонятному ей миру и страшному прошлому, которое вернулось за ней.

Бедная Салли Даймонд не может понять, почему то, что она сделала, кажется всем соседям и полиции таким странным. Она всего лишь выполнила просьбу своего отца – сожгла его мертвое тело в сарае вместе с мусором. Что не так? И почему полицейские недовольны тем, что потом Салли тщательно вымыла весь дом и выстирала одежду? Мама бы точно ею гордилась.

После этой истории Салли оказывается в центре внимания голодных до сенсации СМИ и детективов. Внезапно она получает странный подарок – грязного игрушечного мишку с оторванным глазом и записку от некоего «С», которому явно известно что-то ужасное о ее прошлом. Но кто он? А еще Салли преследуют кошмары с изможденной женщиной в темной комнате, хотя до этого она никогда не видела снов.

Притворяясь полжизни глухой, просто чтобы ни с кем не разговаривать, Салли приходится познавать этот мир с нуля. Ей предстоит выяснить, кто этот таинственный преследователь, чье присутствие с каждым днем ощущается все острее...

«Действительно странная... и к тому же умная! Шокирующая, тревожная и совершенно оригинальная "Странная Салли Даймонд" захватит вас от первой до самой последней страницы». – Пола Хокинс, автор мирового бестселлера «Девушка в поезде»

«Одна из обязательных к прочтению книг 2023 года». – Джон Маррс, автор мировых бестселлеров «The One. Единственный», «Пассажиры», «Тьма между нами» и многие другие

«Удивительно, трогательно и поражающе оригинально». – Харлан Кобен, автор бестселлеров The New York Times, который возглавляет десятку лучших детективных писателей Америки

«Потрясающее чтение». – Энтони Горовиц, автор мирового бестселлера «Сороки-убийцы»

«Мне понравилась каждая чертова секунда этой книги». – Лайза Джуэлл, автор бестселлеров «Опасные соседи» и «Ночь, когда она исчезла»

«Ошеломляюще умно... Одна из лучших книг, которые я прочитала за долгое время. Я не могу перестать думать об этом». – Люси Фоли, автор бестселлеров «Охотничий дом» и «Список гостей»

«Действительно превосходно и красиво написано... настоятельно рекомендую». – Софи Ханна, британская писательница, продолжающая серию о великом сыщике Эркюле Пуаро

«Мрачная, неотразимая и глубоко трогательная история». – Рут Уэйр, автор бестселлера «Девушка из каюты № 10»

«В "Странной Салли Даймонд" Ньюджент подарила нам поразительное творение с уникальным голосом... захватывающий, запутанный, навязчивый психологический триллер с особым юмором и пафосом». – Sunday Independent

«Неотразимо притягательная, эта мрачная история шокирует и в то же время очаровывает. Блестящее чтение, которое точно увлечет вас». – Crime Monthly

«Желание продолжить чтение не ослабевает, и, что самое впечатляющее, концовка не прогибается под тяжестью ожиданий... абсолютное удовольствие от книги». – Sunday Times

«Ньюджент создала незабываемую главную героиню в лице Салли и никогда не упускает из виду человечность своих персонажей, даже когда она делает неожиданные повороты и направляет повествование в самую тьму. Изобретательный, захватывающий и смелый роман, заслуживающий внимания». – Publishers Weekly

«Ньюджент рисует необычных, несовершенных персонажей... Этот хорошо написанный роман не для слабонервных людей,

но он найдет свой дом у читателей, которым нравятся сложные сюжетные линии и развивающиеся персонажи». – Booklist

«Салли – привлекательный персонаж, – странный, да, но в то же время по-настоящему привлекательный. Ньюджент задает совершенно правильный тон сопереживания и оптимизма». – Kirkus

«Это восхитительное повествование, где используется полная палитра эмоций. Тьма и юмор, надежда и отчаяние. Грандиозно». – Deadly Pleasures Mystery Magazine

«Ньюджент мастерски рассказывает о порочности, травмах и психическом здоровье». – Library Journal

«Увлекательный сюжет, наполненный головоломками... Захватывающий роман Ньюджент вселяет нас одновременно отчаяние и надежду». – Minneapolis Star Tribune

«Напряженная, тревожная и местами жутковатая, захватывающая и пронзительная история, рассказанная Лиз Ньюджент, которую трудно будет забыть». – Mystery & Suspense

«Ньюджент создала увлекательный, совершенно захватывающий роман, который в сочетании с уникальным и незабываемым голосом Салли делает его настоящим победителем... Здесь Ньюджент на высоте, и я не могу дождаться, чтобы увидеть, что она приготовит нам в следующий раз». – BookReporter

Содержание

Часть первая	10
Глава 1	10
Глава 2	18
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	34
Глава 6	37
Глава 7	40
Глава 8	46
Глава 9	55
Глава 10	63
Глава 11	68
Глава 12	75
Глава 13	81
Глава 14	88
Глава 15	95
Часть вторая	106
Глава 16	106
Глава 17	110
Глава 18	120
Глава 19	129
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Лиз Ньюджент

Странная Салли Даймонд

Liz Nugent

STRANGE SALLY DIAMOND

Copyright © Liz Nugent, 2023

This edition is published by arrangement with Marianne Gunn O'Connor Literary, Film & TV Agency and The Van Lear Agency

Художественное оформление К. Гусарева

В оформлении переплета использована иллюстрация Ю. Девятовой

Фото автора на форзаце © Liz Nugent

© Масленникова Т. А., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

*Для Ричарда,
с еще большей любовью*

*Уйдем от пыльных городов,
Уйдем с тобою в мир цветов,
Туда, где – мощные леса,
Где ярко искрится роса,*

*Где новый мир, особый мир
Поэт звучнее...*
– *Перси Биши Шелли*¹

¹ Перевод К. Бальмонта

Часть первая

Глава 1

– Вынеси меня вместе с мусором, – сказал он как бы между делом. – Когда я умру, вынеси меня вместе с мусором. Я уже буду мертвый, так что разницы не почувствую. А ты себе все глаза выплачешь. – Он засмеялся, и я засмеялась вместе с ним, потому что мы оба знали, что никаких глаз я себе не выплачу. Я никогда не плачу.

Когда пришло его время – в среду, 29 ноября 2017 года, я выполнила его инструкции. К тому моменту он стал совсем худым и хрупким, перевалив за восемьдесят два года, так что было несложно запихнуть его в огромный мусорный мешок.

Всего месяц назад он еще крепко стоял на ногах.

– Никаких врачей, – говорил отец. – Знаю я их. – А он и правда знал, потому что сам был доктором. Психиатрии. И даже имел право прописывать рецепты и отсылал меня в Роскоммон², чтобы по ним закупаться.

Я его не убивала; ничего такого не было. Я принесла ему чай утром, а он уже лежал холодный в постели. С закрытыми глазами, слава богу. Ненавижу, когда в телесериалах трупы

² Роскоммон – крупнейший город в графстве Роскоммон в Ирландии.

смотрят прямо в глаза детективам. Может быть, глаза остаются открытыми, только если тебя убивают?

– Пап? – позвала я, хотя знала, что его уже нет.

Я села на край кровати, сняла крышку с его стакана и отхлебнула чая без сахара, хотя в свой всегда добавляю. Я сразу проверила пульс, но по его восковой коже все было件нятно. Хотя «восковая» – не совсем то слово. Скорее, было похоже... что его кожа больше ему не принадлежит, или что он больше не принадлежит ей.

Тащить мусорный мешок через весь двор было тяжело. Земля промерзла и покрылась льдом, так что каждые несколько минут мне приходилось взваливать мешок себе на плечи, чтобы он не порвался. Один раз в месяц, если он нормально себя чувствовал, отец относил мешки в мусоросжигательную печь. Он отказывался платить за уборку мусора, и мы жили на таком отшибе, что городской совет ни к чему нас не принуждал.

Я знала, что трупы разлагаются, гниют и начинают пахнуть, так что аккуратно уложила мешок в печную камеру. Плеснула сверху бензина и подожгла. Я не осталась, чтобы посмотреть, как он горит. Это был больше не отец, это было тело, «оно», сгорающее в домашней печи в сарае на заднем дворе дома в конце переуллка, рядом с небольшой дорогой.

Когда отцу доводилось объяснять кому-то по телефону, где мы живем, он говорил:

– Почти у черта на куличках. Если вы доедете к черту на

кулички, вам нужно повернуть налево, потом направо и снова налево, пока не доедете до развязки, и там вам нужен второй съезд.

Он не любил гостей. Не считая его доктора, Анджелы, с момента смерти мамы посетители появлялись у нас раз в пару лет. Несколько человек приезжали, чтобы починить машину и привезти компьютер, а потом через несколько лет приехал еще один парень, установил отцу интернет и привез компьютер поновее. В последний раз приходили настраивать новые каналы. Я на это время решила остаться в своей комнате.

Отец никогда не предлагал научить меня пользоваться компьютером, но объяснил, что на нем можно делать. Я смотрела достаточно телевизора и понимала, что могут компьютеры. Они могут бомбить страны. Они могут шпионить за людьми. Они могут проводить операции на мозге. Могут сводить старых друзей или врагов и раскрывать преступления. Но я не хотела ничем таким заниматься. Мне нравилось телевидение – документальные фильмы, передачи про природу и историю, а еще мне нравились фильмы: фантастические, про будущее, или про викторианскую Англию с большими домами и красивыми платьями, и даже современные. Мне нравилось смотреть про людей и их увлекательную жизнь, про их страстные романы, несчастные семьи и мрачные тайны. Мне кажется, это довольно иронично, потому что в реальной жизни мне люди не нравятся. *Большинство лю-*

дей.

Я всегда предпочитала сидеть дома. Отец понимал это. В школе было кошмарно. Я ходила на все занятия, стараясь избегать других девочек, а потом сразу возвращалась домой. Все называли меня аутисткой, но мой отец-психиатр утверждал, что совершенно точно нет. Я не состояла ни в каких клубах и обществах, хотя мама меня уговаривала. На выпускных экзаменах я получила две пятерки, две четверки и две тройки по профильным предметам и минимальный проходной балл по математике и ирландскому. Это было двадцать пять лет назад, и после этого мы снова переехали – в домик в самом конце маленькой улочки, в миле от деревни Каррикшиди.

Еженедельные поездки за покупками всегда были настоящим мучением. Иногда я притворялась глухой или сознательно избегала беседы, но слышала, как школьники шепчутся: «Вон она идет, странная Салли Даймонд, чудила». Отец говорил, что они ничего против меня не имеют. Просто дети злые. Большинство. Я была рада, что больше не ребенок. Что теперь я взрослая сорокадвухлетняя женщина.

Еще я забирала отцовскую пенсию и свое медицинское пособие с почты. Несколько лет назад на почте предложили направлять пенсию и пособие напрямую на наши банковские счета, но отец сказал, что нам нужно хотя бы пытаться поддерживать отношения с деревенскими, поэтому мы про-

игнорировали их совет. Ближайший банк – только в Роскоммоне, в двенадцати милях от дома. Банкомата в Каррикшиди нет, хотя в большинстве магазинов и заведений можно расплачиваться картой без налога.

Еще я забирала отцовскую почту сама потому, что отец не хотел, чтобы почтальоны совали нос в наши дела. Миссис Салливан, сотрудница почты, всегда кричала мне: «Как твой папа, Салли?» Наверное, она думала, что я читаю по губам. Я кивала и улыбалась, а она сочувственно наклоняла голову набок, как будто произошла какая-то трагедия. Потом я ехала на заправку. Закупалась всем необходимым на неделю и снова возвращалась домой: нервы успокаивались сразу, как только я сворачивала на нашу улочку. Путь туда и обратно никогда не занимал больше часа.

Когда отец хорошо себя чувствовал, он помогал разбирать сумки. Мы ели три раза в день и готовили друг другу. Получалось, что я готовила два блюда, а он – одно, но обязанности между нами распределялись поровну. Все поменялось, когда начал сказываться его возраст. Я пылесосила, а он разгружал посудомойку. Я гладила и выкидывала мусор, а он чистил ванну.

А потом отец перестал выходить из комнаты, прописывал рецепты все более трясущейся рукой и почти отказался от еды. Ближе к концу он соглашался только на мороженое. Я кормила его, когда у него совсем уж сильно тряслись руки, и перестилала белье в те дни, когда отцу не удавалось прокон-

тролировать себя и воспользоваться горшком под кроватью, который я выливала каждое утро и мыла с хлоркой. Рядом с кроватью у него стоял колокольчик, но я не слышала его звона с кухни, а в последние дни отец был слишком слаб, чтобы поднять его.

– Ты хорошая девочка, – тихо говорил он.

– Ты самый лучший папа, – отвечала я, хотя это была не совсем правда. Но он улыбался, когда я это говорила. Мама научила меня так говорить. Лучшим папой был папа из «Маленького домика в прериях»³. А еще он был симпатичный.

Мама просила меня играть в одну игру у себя в голове. Представлять, что думают другие люди. Это было странно. Не проще ли спросить у них, что они думают? И вообще, мое ли это дело? Мне известно, что думаю я. И я могу использовать свое воображение, чтобы представлять, как занимаюсь всякими разными вещами, как люди из телевизора: раскрываю преступления или завожу страстные романы. Но иногда я задумываюсь о том, что видят деревенские, когда смотрят на меня. Если верить журналу, который я как-то читала в приемной Анджелы, у меня три килограмма лишнего веса для моего роста в 5 футов и 8 дюймов⁴. Анджела рассмея-

³ «Маленький домик в прериях» – американский телесериал о семье, живущей на ферме в Миннесоте в конце XIX века. В главных ролях снялись Майкл Лэндон, Мелисса Гилберт и Карен Грассл.

⁴ 5 футов и 8 дюймов – примерно равны 1 м 72 см.

лась, когда я показала ей журнал, но подсказала есть больше овощей и фруктов и меньше углеводов. У меня длинные каштановые волосы, но я убираю их в свободный пучок, чуть ниже затылка. Мою их раз в неделю, когда принимаю ванну. В остальные дни я просто надеваю шапочку для душа и быстро споласкиваюсь.

Я ношу юбки. Их всего четыре – две на зиму и две на лето. У меня есть семь блузок, три свитера и кардиган, а еще у меня хранится довольно много маминой одежды, платьев и пиджаков: они все хорошего качества, хоть и старые. Мама любила ходить по магазинам со своей сестрой, тетей Кристин. Они ездили в Дублин два или три раза в год «на распродажи». Отец этого не одобрял, но она говорила, что будет тратить свои деньги, как ей хочется.

Лифчики я не ношу. Они неудобные, и я не понимаю, почему многие женщины настаивают на них. Раньше, когда одежда изнашивалась, отец покупал мне другую на сайтах объявлений. Но только не нижнее белье, оно всегда было новое. «Ты не любишь ходить по магазинам, так что нет смысла выкидывать деньги на ветер», – говорил он.

У меня чистая, гладкая кожа. Немного морщин на лбу и вокруг глаз. Косметикой я не пользуюсь. Отец мне ее как-то купил и предложил попробовать. Мой старый друг телевизор и реклама в принципе подсказали, что делать, но с подведенными глазами и розовыми губами я стала не похожа на себя. Отец согласился. Он думал купить какую-нибудь дру-

гую, но не почувствовал во мне достаточно энтузиазма, и мы закрыли эту тему.

Думаю, деревенские видят сорокадвухлетнюю «глухую» женщину, которая иногда приходит в деревню и время от времени катается на стареньком «Фиате». Наверное, они считают, что я не могу работать из-за глухоты и поэтому получаю пособие. Но я получаю пособие, потому что, по словам отца, страдаю от социальной депривации⁵.

⁵ Социальная депривация – психическое состояние, вызванное какими-либо нарушениями контакта человека с обществом.

Глава 2

Томас Даймонд не был моим настоящим отцом. Мне было девять, когда он впервые сказал об этом. Я даже не знала своего настоящего имени, но он и моя мама, которая тоже не была настоящей мамой, сказали, что нашли меня в лесу младенцем.

Сначала я расстроилась. В тех историях, которые я читала в детстве, найденные в лесу младенцы обычно оказывались подменщиками, которые приносили несчастья приютившим их семьям. У меня *есть* воображение, что бы ни говорил отец. Но мама посадила меня на колени и сказала, что это просто выдуманные сказки. Я ненавидела сидеть у мамы на коленях, да и у папы тоже, так что вырвалась и потребовала печенье. Мне дали два. Я верила в Санта-Клауса ровно до двенадцати лет, пока отец не усадил меня перед собой и не рассказал горькую правду.

– Но зачем людям такое придумывать? – спросила я.

– Потому что детям весело в такое верить, но ты уже не маленькая девочка.

Это была правда. У меня начала идти кровь. Боль от месячных заменила Зубную фею и Пасхального кролика, и мама с отцом стали объяснять мне другие вещи.

– Если Санта-Клауса нет, то бог есть? Или дьявол?

Мама взглянула на отца, и тот ответил:

– Никто не знает.

Мне этот концепт показался нелогичным. Если они знали наверняка, что Санта-Клауса не существует, то почему они не уверены насчет бога?

Детство сменилось более скучными и менее яркими подростковыми годами. Мама сказала, что мальчики могут проявлять ко мне интерес, могут попытаться поцеловать меня. Ничего такого не было, только однажды в четырнадцать лет какой-то старикашка пытался прижаться ртом к моим губам и засунул мне руку под юбку на автобусной остановке. Я ударила его по лицу, опрокинула на землю и пнула в голову. Потом подъехал автобус, я села в него и очень разозлилась, когда водитель задержался, чтобы помочь старикашке встать. Я смотрела, как он поднимается на ноги и у него из головы течет кровь. Водитель спросил меня, что случилось, но я сделала вид, будто не услышала. Я приехала домой на двадцать минут позже и опоздала на детскую передачу.

Когда мне было пятнадцать, я услышала, как девочка из моего класса рассказывает остальным, что меня, одичавшую, нашли в горах и после этого удочерили Даймонды. Она рассказывала об этом в туалете. Я сидела на бачке, поставив ноги на стульчак, и ела свой ланч.

– Но об этом нельзя никому говорить, – заявила она. – Мама узнала об этом от подруги, которая работала с доктором Даймондом, когда это случилось. Вот поэтому она такая странная.

Но другие девочки не стали держать ничего в секрете. Несколько недель подряд они пытались заговорить со мной, спрашивали, люблю ли я лазить по горам и ела ли траву. Стелла Кофлан просила девочек оставить меня в покое и говорила, что это не их дело. Но я не обращала внимания ни на кого из них. Маму и отца я тоже об этом не спрашивала. Я уже знала, что приемная, а еще знала, что младенец не может выжить в горах и девчонки все это выдумывают просто со злобы.

Мама умерла в год, когда я окончила школу. Мы много ссорились. Она хотела, чтобы я пошла в университет. Она подавала за меня документы против моей воли. Она считала, что мне нужно заниматься музыкой или наукой. Я люблю музыку, и игра на пианино – это, наверное, мое самое любимое занятие. Мне было девять, когда мама наняла учителя по фортепиано, чтобы она давала мне уроки на дому. Мне нравилась миссис Муни. Она говорила, что я – одаренная пианистка. Она умерла, когда я была подростком, и я не захотела заниматься с другим преподавателем, так что стала совершенствоваться сама. Я не хотела сдавать никакие экзамены. Мне просто нравилось играть.

Мама говорила, что для меня открыто множество дверей. Но я не хотела общаться с незнакомцами и не хотела покидать наш новый дом. Отец сказал, что я могу получить сте-

пень в Открытом университете⁶, но мама заявила, что мне нужно «социализироваться», потому что, если меня не заставить, я никогда не уеду из дома и не найду себе работу. Я заявила, что не хочу уезжать из дома, и она очень разозлилась.

Через неделю после этой ссоры, во время посещения больных в деревне, у нее случился удар, и она умерла в больнице. Похороны провели в Дублине, потому что там жила ее семья и большинство старых друзей. Она всю жизнь регулярно их навещала. В те несколько раз, когда к нам приезжала ее сестра, Кристин, я бегала за ней, как собачонка. Она выглядела как более гламурная версия мамы. Отец во время ее визитов не выходил из кабинета. Мама говорила, что из-за отца Кристин чувствует, что ей здесь не рады. После смерти мамы она перестала приезжать, но на день рождения всегда присылала мне открытки с деньгами.

Отец, который тогда не переставая плакал, спросил меня, поеду ли я к маме на похороны, но я отказалась. Мне нужно было разобрать ее вещи и понять, что подойдет мне, а что можно отдать на благотворительность. Я попросила отца привезти мне из Дублина книгу рецептов, потому что в основном готовила мама и, хотя у меня великолепно получалось помогать ей чистить овощи, моих навыков явно не хва-

⁶ Открытый университет – британский университет открытого и дистанционного обучения. Основан указом королевы Великобритании Елизаветы II в 1969 году.

тало на создание целого блюда. Но я знала, что из книг могу этому научиться.

Когда через два дня отец вернулся из Дублина, он спросил, грущу ли я и скучаю ли по маме. Я успокоила его и сказала, что нет и обо мне не надо беспокоиться. Он посмотрел на меня с тем странным выражением, которое иногда у него появлялось, и сказал, что мне, наверное, повезло, что я такая, и моя жизнь, возможно, не принесет мне страданий.

Я понимаю, что размышляю не как все остальные люди, но если я могу держаться в стороне от них, то какая разница? Отец говорил, что я уникальна. Я не против. Меня как только не называли, но меня зовут Салли. Во всяком случае, это имя мне дали отец и мать.

Глава 3

Несколько дней после смерти отца в доме стояла полная тишина. Может, я все-таки по нему скучала? Мне не с кем было поговорить, не для кого заварить чай, некого покормить мороженым с ложечки. Некого мыть и переодевать. Зачем я вообще нужна? Я слонялась по дому, а на третий день зашла в его кабинет и стала бездумно открывать ящики. Нашла пачку наличных и мамины драгоценности в металлической коробке. Кучу тетрадей, в которых были задокументированы изменения моего роста и веса за несколько десятков лет. Адресованный мне толстый конверт на столе. Горы папок с моим именем под разными грифами: общение, эмоциональное развитие, сочувствие, понимание, здоровье, медикаменты, дефекты и т. д. За всю жизнь не прочитаешь. Я взглянула на родительское свадебное фото на камине и вспомнила, как мама сказала, что они никогда не чувствовали себя полноценной семьей, пока не нашли меня. На тот момент меня уже давно не расстраивало, что я – найденыш. Мама рассказала, что они удочерили меня по вполне стандартной схеме. Она спросила, не любопытно ли мне узнать о своих биологических родителях, а когда я сказала нет, прямо-таки просияла. Было приятно, когда мне удавалось заставить родителей улыбнуться.

Я посмотрела на старые фотографии отца тех времен, ко-

гда он еще работал. Вот он представляет свою монографию на конференции в Цюрихе. Вот он в окружении других серьезных мужчин в костюмах. Отец в основном читал и писал научные работы, но иногда, когда мама обращалась к нему в экстренных случаях, он мог съездить к больному в Каррикшиди или куда подальше.

Отец изучал человеческий мозг. Он говорил, что мозг у меня работает идеально, но эмоционально я выключена. Он как-то обронил, что я – дело всей его жизни. Я спросила, может ли он включить мои эмоции, но он ответил, что в его и маминых силах только одно – любить меня и надеяться, что однажды я научусь любить их в ответ. Они не были мне безразличны. Я не хотела, чтобы с ними происходило что-то плохое. Мне не нравилось видеть их расстроенными. Я думала, это и есть любовь. Я продолжала задавать отцу вопросы, но он говорил мне не волноваться и что моих чувств вполне достаточно. Не думаю, что он до конца понимал меня. Иногда я начинала сильно нервничать – когда вокруг было слишком много народа, или я не знала ответа на вопрос, или шум был слишком громкий. Я думала, что смогу понять любовь с помощью книг и телевизора, но помню, как одним рождественским днем посмотрела «Титаник». Тогда я решила, что Джек в любом случае погиб бы, потому что он пассажир третьего класса и мужчина, а Роуз, скорее всего, выжила бы, потому что она богата и там действовали правила «сначала женщины и дети»; так какой смысл добавлять в ис-

торию любовную линию, которая даже не имеет отношения к реальности? Но отец тогда рыдал.

Мне не нравились объятия или когда меня трогают. Но любовь не переставала меня занимать. Может, это из-за моей эмоциональной выключенности? Надо было спросить отца, пока он был жив.

Через несколько дней после смерти отца мне в дверь постучался Гер Маккарти – сосед, который арендовал поле за нашим сараем. Я привыкла к тому, что он постоянно ходит туда-сюда по дорожке. Он был человек немногословный и, как говорил отец, «великолепен тем, что не задает вопросов и не пытается перекинуться парой слов».

– Салли, – начал он, – из вашего сарая идет дикая вонь. Я пересчитал весь свой скот, но начинаю полагать, что туда забрела овца, каким-то образом застряла и издохла. Хочешь, я взгляну, или твой отец займется этим?

Я заверила его, что справлюсь. И он пошел дальше по своим делам в заляпанном грязью комбинезоне, нескладно по-свистывая.

Когда я подошла к сараю, от запаха из печной камеры меня чуть не стошнило. Я закрыла рот шарфом и открыла дверцу. Отец не прогорел до конца. Угадывалась даже форма тела. На дне камеры образовалась какая-то маслянистая субстанция. В ней копошились мушки и личинки. Я снова зажгла огонь с помощью свернутой газеты, захваченной из до-

ма, и дров из сарая.

Я разочаровалась в себе. Отцу нужно было оставить более подробные инструкции. Мы регулярно жгли органические отходы. Трупы – это же органические отходы, верно? Может быть, в крематориях жарче. Потом читаю об этом в энциклопедии. Я вылила остатки бензина, чтобы пламя разгорелось как следует, надеясь, что повторное сожжение сделает свое дело. Я дернула себя за волосы – это меня успокаивает.

Я поехала на почту, чтобы получить свое пособие, и миссис Салливан попыталась отдать мне отцовскую пенсию. Я оттолкнула конверт с наличными. Она вопросительно на меня посмотрела и закричала:

– Твоему отцу нужна пенсия.

– Не нужна, – отрезала я, – потому что он умер. – Ее брови поползли наверх, а рот раскрылся.

– О господи. Ты разговариваешь. А я и не знала. Так, а что ты сказала? – Мне пришлось повторить, что мне больше не нужна пенсия отца, потому что он умер.

Женщина взглянула через мое плечо на жену мясника.

– Она разговаривает, – прошептала она, на что жена мясника отреагировала:

– Это удивительно.

– Мне очень жаль, – продолжила кричать миссис Салливан, а жена мясника протянула руку и дотронулась до моего локтя. Я вздрогнула и отдернула его.

– Когда похороны? – спросила она. – Я не заметила новостей в некрологах.

– Похорон не будет, – ответила я. – Я кремировала его сама.

– В смысле? – не поняла миссис Мясник, и я объяснила ей, что сожгла его в нашей печи, потому что он сказал мне вынести его вместе с мусором после смерти.

Повисла тишина, и я уже начала поворачиваться в сторону выхода, когда миссис Мясник дрожащим голосом пролепетала:

– Как ты определила, что он умер?

А потом миссис Салливан опять прошептала миссис Мясник:

– Я не знаю, кому звонить. В полицию или доктору?

Я повернулась к ней.

– Для доктора уже слишком поздно, он мертв. А зачем вам звонить в полицию?

– Салли, когда кто-то умирает, надо уведомлять об этом власти.

– Но это не их дело! – запротестовала я. Они меня смущали.

Я пришла домой и немного поиграла на пианино. Потом отправилась на кухню и заварила себе чашку чая. Отнесла чай в кабинет отца. Начал звонить телефон, поэтому я его выключила. Я взглянула на конверт, лежащий на ноутбуке

отца: на нем трясущейся рукой было подписано «Салли» и «открыть после моей смерти». Нигде не говорилось, сколько времени после его смерти должно пройти, так что я подумала, что внутри может быть открытка на день рождения. Мой день рождения только через десять дней, так что я решила подождать. Мне исполнится сорок три года. У меня появилось ощущение, что это будет очень хороший год.

Конверт был большой, и когда я его подняла, то почувствовала, насколько он толстый, а внутри явно лежало много страниц. Может, это и не была открытка на день рождения. Я положила его в карман юбки. Прочту после «Она написала убийство» и «Судьи Джуди». Я устроилась в гостиной, на диване, где мы всегда сидели вместе с мамой. Я посмотрела на пустое кресло отца и несколько минут размышляла о нем.

Но скоро меня увлекли события, развернувшиеся в Кэбот-Коуве. На этот раз садовник Джессики Флетчер связался на свою голову с богатой вдовой юриста, и она убила его, когда тот отказался уйти от жены. Как обычно, Джессика оказалась умнее шерифа и раскрыла преступление. Во время одной из рекламных пауз в «Судье Джуди» я услышала стук в дверь.

Я удивилась. Кто бы это мог быть? Возможно, отец заказал что-то для своего компьютера, хотя это маловероятно, ведь он не пользовался им около месяца перед своей смертью. Я сделала телевизор громче, но стук продолжался. Потом все смолкло, но мне пришлось перемотать программу,

потому что «Судья Джуди» уже началась, а я пропустила кусочек. Внезапно в окне слева от меня появилась голова. Я вскрикнула. Но это была всего лишь Анджела.

Глава 4

Доктор Анджела Кэффри была маминой напарницей, и после ее смерти мамина практика перешла к ней. Я ходила к ней несколько раз в течение года. Я не сопротивлялась, когда Анджела осматривала или трогала меня, потому что она всегда четко объясняла, что именно будет делать. И после нее я всегда чувствовала себя лучше. Отцу она нравилась, и мне тоже.

– Салли! Ты в порядке? Миссис Салливан сказала мне, что Том умер, это правда?

Я неловко встала посреди коридора, у двери в отцовский кабинет. Раньше отец всегда приглашал Анджелу в гостиную и предлагал ей чай, но я не хотела, чтобы она надолго задерживалась. Но у Анджелы имелись другие планы.

– Может, пойдём на кухню и ты мне все расскажешь?

Я повела ее вниз по лестнице на кухню.

– О, да тут ни единого пятнышка, твоя мама тобою бы гордилась! Знаешь, сто лет тут не была. – Анджела выдвинула отцовский стул из-под стола, а я встала спиной к плите.

– Итак, Салли, твой отец умер?

– Да.

– Ох, бедный Том! Он долго болел?

– Сначала он стал заметно медлительнее все делать, а потом слег примерно месяц назад и уже не вставал.

– Но я не понимаю, почему Том не позвонил мне? Я бы сразу примчалась. Я бы позаботилась о том, чтобы он комфортно себя чувствовал.

– Отец прописывал рецепты на обезболивающие и посылал меня за ними в Роскоммон.

– Он прописывал рецепты сам себе? Это не совсем законно.

– Он прописывал их на мое имя. Он сказал, что не сядет за это в тюрьму, как и я.

– Понятно. – Анджела помолчала. – И когда конкретно он умер?

– В среду, ночью. Отец был уже мертв, когда я принесла ему чай с утра.

– Ох, дорогая моя, это, наверное, было очень тяжело. Знаешь, я не хочу совать нос не в свое дело, но Морин Кенни...

– Кто?

– Морин, жена мясника. Она заявила, что *ты* сказала, будто похорон не было и ты кремировала его сама.

– Да.

– И где прошла кремация?

– В садовом сарае.

– Прости, что?

– В садовом сарае.

– Здесь? За домом?

– Да.

– А ты не думала позвонить кому-нибудь? Мне, в больни-

цу, в похоронную службу?..

Я почувствовала, что у меня неприятности. Я сделала что-то не так.

– Он сказал мне вынести его вместе с мусором.

– Он... что? Он пошутил, он не мог иметь именно это в виду.

– Он не сказал, что это была шутка.

– Но почему ты была уверена, что он мертв?

– Он не дышал. Вы хотите посмотреть на мусоросжигающую печь?

Ее глаза округлились.

– Но так не утилизируют... Салли, это серьезно. Только профессиональный медик может констатировать смерть. Он не оставил никаких инструкций по поводу похорон?

– Нет, мне кажется... – И тут я вспомнила про конверт. – Он оставил мне это. – Я достала конверт из кармана.

– И что там говорится?

– Я пока не открывала его.

Все эти разговоры окончательно меня разволновали. Обычно я либо вообще ничего не говорю, либо говорю слишком много, и при этом мои слова кажутся абсурдом всем, кроме меня.

Я схватилась руками за голову, и Анджела сбавила тон.

– Хочешь, я открою его? Можно мне прочесть?

Я кинула в нее конверт и пошла к пианино, но оно меня не успокоило. Тогда я поднялась в свою комнату и заползла под

одеяло и мягкий голубой плед. Я снова начала дергать себя за волосы. Я не знала, что делать. Я не понимала, когда Анджела уйдет. Я прислушивалась и ждала, когда захлопнется входная дверь.

Глава 5

Меня разбудил тихий стук. На улице сгущались сумерки. Видимо, я отключилась. Со мной такое бывает, когда я расстраиваюсь, хотя этого не случалось уже много лет.

– Салли? – прошептала Анджела. Я взглянула на часы. Она просидела здесь три часа и двадцать пять минут.

– Да?

– Я сделала чаю и фасоли с тостами. Тебе надо подняться, потому что нам нужно кое-что обсудить.

– Чай с сахаром?

– Пока нет, – сказала она, – но я добавлю.

– Какую ты взяла кружку?

– Я... я не знаю.

Я открыла дверь и пошла за Анджелой по коридору.

Она подала мне чай в отцовской фирменной кружке со «Скрэбблом». Я добавила полторы ложки сахара и плеснула молока. Анджела заварила себе чай в фарфоровой кружке, которой никогда не пользовались ни отец, ни я.

– В общем, я прочитала письма твоего отца...

– Там больше, чем одно?

– Да. Все нормально, милая. Но дело в том, что я обязана вызвать полицию, и они захотят поговорить с тобой. Но не надо тревожиться, я буду рядом, объясню им твое состояние и позабочусь о том, чтобы они обращались с тобой как мож-

но мягче. Но – и это самое неприятное – они, вероятно, захотят обыскать дом, и тебе придется немного пожить у нас с Надин, пока они выясняют все обстоятельства.

– Какие обстоятельства?

– Просто дело в том, что... это... Это необычно – сжигать тела членов семьи, это нелегально, и... Мне тяжело об этом говорить, милая, но в его письмах были указания по поводу похорон... Помимо всего прочего.

– О. Но зачем полиции обыскивать дом? По телевизору они всегда оставляют после себя ужасный беспорядок.

– Они хотят убедиться, что твой отец умер по естественным причинам, хотя из его писем ясно, что он знал, как мало у него осталось времени. Очевидно, он доверял тебе и любил тебя. Я уверена, вскрытие покажет, что он был уже мертв.

– Но я не хочу, чтобы сюда приходили, и не хочу жить у тебя дома.

– Салли, если я не возьму ситуацию под контроль, ты можешь сесть в тюрьму на несколько суток или даже больше. Пожалуйста, поверь мне. Твои мама и папа хотели бы, чтобы я помогла тебе. В письме говорится, что ты должна позвонить мне, когда он умрет.

Я снова начала дергать себя за волосы. Анджела протянула ко мне руку, но я отпрянула от нее.

– Извини, извини меня, я не подумала.

– Но он не сказал, *когда* именно открыть письмо. Он просто написал открыть его после смерти. Я не знала, что нужно

открыть конверт в тот же день.

– Я понимаю, но, боюсь, теперь поднимется шум. Сейчас я позвоню в полицию, и они захотят побеседовать с тобой. Возможно, тебе понадобится адвокат. Но я буду рядом и объясню все, что не объяснил в письмах отец, хотя они довольно исчерпывающие. – Анджела немного помолчала. – В письмах есть вещи, которые могут тебя... расстроить. Но мы будем разбираться с ними постепенно. Твой отец хотел, чтобы ты читала по одному блоку писем в неделю. Всего они разбиты на три части.

– Почему?

– Ну, там... очень много всего. Я считала, твои мама и папа были полностью откровенны со мной касательно обстоятельств твоей жизни. Но, кажется, они довольно многое ото всех скрывали.

– Обо мне?

– Да, Салли. Но мы обсудим это в другой раз. Сейчас нужно позвонить в полицию. Не хочешь принять немного успокоительного перед их приходом? Чтобы не нервничать?

– Да, пожалуйста.

Глава 6

Пришел не один, а двое полицейских. Мужчина и женщина. Я не смотрела им в глаза. Они были вполне милы и спокойны, пока я не рассказала им, что положила отца в мешок для мусора, а потом сожгла в печи. Та, что пониже – женщина – повысила голос:

– Что, прошу прощения, вы сделали?..

Анджела попросила ее говорить потише. Из-за таблетки, которую мне дала Анджела, я чувствовала себя словно во сне. Они сказали, что сейчас же вызовут команду криминалистов, а мне нужно собрать свои вещи и покинуть дом, но оставить одежду, в которой я была в день смерти отца. Они оба закатили глаза, когда я показала им свежую, только что выстиранную стопку белья. Анджела объяснила, что ей надо отдать полиции копии писем отца, так что она пошла сканировать их в его кабинет, пока я отправилась в свою комнату собираться. Женщина-полицейский последовала за мной, что-то недовольно бормоча. Я взяла чемодан отца. Своего у меня не было, да и он уже не будет возражать. Было совсем темно, и мне давно пора было спать.

– Можете, пожалуйста, не наводить беспорядок? – попросила я. Мужчина заверил, что они очень постараются, но женщина издевательски хмыкнула и добавила:

– Это вред ли.

Анджела отдала мужчине отскрокопированные страницы и попросила его удостовериться, чтобы они попали к самому главному детективу. Он кивнул. Мужчина мало говорил, но попросил у меня ключи от «Фиата». Я отдала их и попросила обязательно вернуть кресла в исходное положение после того, как они съездят, куда им надо. Полицейские заявили, что утром мне нужно явиться в участок в Роскомоне. Анджела решила сама привезти меня туда.

Выходя из дома, я услышала, как женщина-полицейская шепнула мужчине: «Хренова психопатка», но он заметил, что я услышала, и шикнул на нее. Она обернулась, взглянула на меня, и я прочла явное отвращение в ее взгляде.

Я не знаю, откуда взялось это отвращение. В доме не было ни пятнышка. Когда мы шли к машине Анджелы, к нашему дому подъехали четыре патрульных автомобиля, и люди начали надевать белые защитные костюмы прямо на одежду. Они установили огромные прожекторы и направили их на дом и сарай. Анджела возмутилась, что они ведут себя, словно это место преступления.

Меня немного клонило в сон, но я хотела остаться. Во многих сериалах полиция подбрасывает улики или что-то меняет на месте происшествия. Нужно убедиться, что ничего такого не случится. Анджела заверила меня, что нет.

Мы особо не разговаривали по пути к ней домой, но я рассматривала ее, пока она следила за дорогой. У нее были приятные округлые черты лица. Как у бабушек в сериалах.

И кудрявые седые волосы. Она была в клетчатой рубашке, джинсовой юбке и ботильонах. Мне нравилось, как выглядит Анджела. Она взглянула на меня и одновременно улыбнулась и нахмурилась. Отец всегда предупреждал, что не стоит судить людей по их внешнему виду. Но Анджела нравилась нам обоим.

Глава 7

Я проснулась в незнакомой постели в незнакомом доме, хотя мое голубое покрывало лежало рядом. Я забрала его прошлой ночью. Я уже открыла рот, чтобы закричать, но вспомнила, как отец советовал не делать этого, пока не угрожает опасность. Мне угрожала опасность? Скоро снова придется объяснять, почему я утилизировала отца. Я закрыла рот и не стала кричать. Я вспомнила, как мама объясняла, что, если говорить правду, с тобой не случится ничего плохого.

Я услышала какие-то звуки за дверью спальни.

– Эй, – позвала я.

– Салли, я оставила для тебя в ванной пару зеленых полотенец. С душем проблем быть не должно. Мы ждем тебя внизу завтракать через двадцать минут, хорошо?

Это был голос Надин. Надин – компаньонка Анджелы. Я встречала ее в Каррикшиди несколько раз. Она моложе Анджелы и убирала свои длинные светлые волосы в хвост. Она гуляла с их собаками, ухаживала за курами и работала дизайнером мебели. Мне не нравились собаки, так что при встрече я всегда переходила на другую сторону дороги.

– Мы вывели собак на улицу, поэтому можешь не волноваться, хорошо? – Надин была, как всегда, улыбчива.

Отец ходил к ним на торжество. Меня тоже приглашали,

но я не пошла. Слишком шумно.

Их ванная выглядела как в гостиничных номерах в кино или как в рекламе ванн. Я села на унитаз, помыла руки и почистила зубы, а потом зашла в огромную душевую кабину с одной стеклянной стенкой. У нас дома была одна общая ванная комната и несколько отдельных туалетов, а душ представлял собой резиновый шланг, прикрепленный к смесителю. Из-за квартплаты отец не любил, когда мы принимали ванну – не больше раза в неделю, – поэтому мы обходились душем. Душ у Надин и Анджелы был прекрасный. Когда я закончила, то причесала волосы у себя в комнате, заколола их, оделась, прибрала постель и пошла вниз.

Было очень светло. Солнечный свет лился из стеклянных дверей, заполняя все пространство комнаты благодаря открытой планировке. Очень современно. Все стены прямые, углы острые. Я видела такие дома по телевизору, когда в передачах про ремонт показывали результат «после». Отец их любил. Он всегда смеялся над хозяевами. «Больше денег, чем ума», – говорил он. Или: «Идея у них!»

Анджела стояла у гриля и переворачивала сосиски и бекон.

– Ты будешь картошку, Салли?

Я была голодна. Я не стала есть фасоль с тостами прошлой ночью, потому что слишком волновалась.

– Да, спасибо.

Две собаки сидели снаружи и внимательно наблюдали, как

Анджела переворачивает очередной кусок мяса.

– Кажется, мальчики голодные, – заметила Надин, улыбаясь и махая им. Они залаяли в ответ.

– Какие мальчики? – удивилась я.

– Собаки, Гарри и Пол.

– Забавные имена для собак.

Анджела игриво улыбнулась.

– Мы назвали их в честь наших бывших мужей, – и они обе засмеялись. Я тоже улыбнулась, хотя подумала, что это немного грубо по отношению к их бывшим мужьям.

Я находилась в полицейском участке семь часов и пятнадцать минут. Они сфотографировали меня и взяли отпечатки пальцев. Сначала они оставили меня в комнате одну на сорок пять минут, потом пришли две женщины в костюмах – сержант Кэтрин Мара и инспектор Андреа Ховард, а вскоре после них – угрюмый мужчина, представившийся Джеффом Баррингтоном, моим адвокатом. Ховард включила диктофон, и они представились еще раз под запись. Я не хотела смотреть на них, так что смотрела на деревянный стол и царапины на нем. Кто-то вырезал на нем слово «сука» острыми заглавными буквами. Это было очень грубое слово.

Полицейские три раза попросили меня рассказать про смерть отца, и меня начало раздражать, что мне приходится повторять одно и то же снова и снова. Джефф тяжело вздохнул и сказал, что лучший вариант для меня – отвечать на их

вопросы. Они спросили, почему я не знала, что домашняя мусоросжигательная печь недостаточно мощная для уничтожения человеческих останков. Я покачала головой. А еще они попросили меня говорить громче для записи. Я ответила, что не знала, потому что раньше мы сжигали там все, кроме пластика.

Потом детективы спросили меня про письма и почему я не прочла их. Одна из них засмеялась над моим объяснением, потому что я решила подождать до дня рождения. И вот тогда я разозлилась.

– Почему вы смеетесь? – закричала я. Джефф положил руку на мою ладонь, но я стряхнула ее.

– Салли, вы всегда ждете дня рождения, прежде чем открывать почту?

– Мне не приходит почта, – буркнула я.

Адвокат что-то накорябал в своем блокноте, а потом попросил полицейских воздержаться от насмешек, потому что это доставляет дискомфорт его клиенту. Я очень внимательно на него посмотрела. На вид он такой же уставший, как и я.

Мара спросила у меня дату моего рождения, хотя я уже называла ее дважды. Они уточнили мою *настоящую* дату рождения, но я не совсем поняла, что они имели в виду. Потом женщины спросили про удочерение и про то, знаю ли я своих биологических родителей, и я очень удивилась, потому что не поняла, как это связано с делом. Я объяснила им, что отец и мать удочерили меня через агентство, когда мне

было шесть лет, и что я ничего не знаю о своих биологических родителях. Дальше последовали вопросы о моем самом раннем воспоминании, и я рассказала про то, как задувала свечки на торте на свой седьмой день рождения. Детективы еще несколько раз спросили меня в разных выражениях, не помню ли я чего-нибудь до этого, но я твердо ответила нет. А потом женщины попросили меня постараться вспомнить еще что-нибудь. Я объяснила им, что отец всегда говорил не вспоминать те вещи, которые не хочу.

– Но, – удивилась Ховард, – вы же должны помнить что-то из раннего детства?

Я покачала головой. Они велели мне говорить громче для записи.

– Я не помню ничего до моего седьмого дня рождения, – уверенно произнесла я. Джефф попросил их поговорить с ним снаружи.

Вскоре после этого пришла Анджела и принесла бургер с картошкой из «Супермакс». В углу комнаты продолжал стоять еще один полицейский. Я предложила ему картошки, но он отказался.

– Вы молодец, – улыбнулся он. Этот полицейский мне понравился. Он был немного похож на Харрисона Форда в молодости. Мне бы хотелось поболтать с ним. Но он снова замолчал и уставился на свои ботинки. Я тоже смотрю на свои ботинки, когда мне не по себе.

Анджела объяснила, что полиция пробудет в моем доме

еще несколько дней и что меня могут обвинить в преступлении.

– Каком преступлении?

Она не ответила.

– Пусть Джефф делает свою работу. Поверь, он искренне болеет за тебя.

Глава 8

Я провела у Анджелы и Надин пять ночей. Джефф в основном говорил с Анджелой и игнорировал меня, и в основном меня это устраивало, но разговаривали они все время обо мне. Анджела время от времени уточняла, понимаю ли я, о чем идет речь, но адвокат никогда не обращался ко мне напрямую, не считая последнего раза, когда мы были у него в офисе в Роскоммоне и он попытался пожать мне руку на прощание, но я ее отдернула. Проще смотреть на кого-то, когда не смотрят на тебя. Адвокат был симпатичный и, видимо, достойно выполнял свою работу, потому что обвинения в незаконном самовольном захоронении тела, скорее всего, будут сняты ввиду обстоятельств. Анджела сказала, это из-за моего состояния.

Джефф и Анджела сошлись на том, что с точки зрения закона она не может стать моим официальным опекуном или представлять меня в суде, потому что я взрослый человек и почти всегда сама принимала все решения, даже если они были «ошибочны». Но Джефф добавил, что суд может поставить условие, при котором в случае возникновения передо мной какой-то неочевидной задачи в будущем мне нужно будет обратиться к Анджеле или другому опекуну. Например, если я снова решу сжечь чье-нибудь тело, Анджела должна будет вмешаться и подсказать мне, что делать. Не са-

мый удачный пример. Вряд ли мне захочется снова переживать такую суматоху.

Джефф также объяснил, что отец оставил мне деньги по завещанию. Он не знал точно, сколько, потому что большая часть была в разных вкладах и облигациях, но он планировал все их собрать. «Денег достаточно, чтобы ты довольно долго на них жила, только надо быть экономнее», – добавил он. И еще мне придется платить за вывоз мусора, разделять его на смешанные отходы, вторсырье, мягкий пластик и стекло, и у меня появится четыре контейнера разных цветов для каждого вида, и я буду по очереди оставлять их у ворот раз в неделю, чтобы мусорщики увозили их на своих пахучих грузовиках. Почтальон станет доставлять почту прямо ко мне домой, но меня заверили, что внутрь он входить не будет. По словам Анджелы, так гораздо удобнее.

С тех пор мне перестало нравиться находиться дома одной, потому что у моей двери постоянно ошивались какие-то люди. Они хотели взять у меня интервью или услышать «мою сторону истории». Их гораздо больше интересовало мое удочерение, чем то, что я сожгла своего отца. Меня это смущало. Какое отношение одно имеет к другому?

Теперь все в Каррикшиди глазели на меня. Некоторые улыбались и наклоняли голову набок. Сочувствовали. Другие переходили дорогу, когда видели, что я иду им навстречу, но мне все равно. Некоторые начали здороваться, даже молодые люди с автозаправки, когда отрывались от сво-

их телефонов. Они кричали: «Привет, Мэри!»

Но меня зовут Салли: неважно, как меня называют они.

Полиция устроила ужасный бардак в доме. Я очень долго кричала, когда увидела все это. Анджела и Надин были со мной. Анджела велела мне дышать и считала вслух, пока я не взяла себя в руки, а потом мы начали приводить дом в порядок. Через какое-то время я попросила их уйти, потому что они не знали, где точно все должно лежать, так что проще было убраться самой.

Когда Анджела уходила от меня на третий день после моего возвращения домой, она сказала, что будет приезжать проведать меня два раза в неделю и мне всегда рады в ее доме. Она передала мне первую часть писем отца и добавила, что мне не стоит переживать или грустить. К тому времени я уже поняла: пытаться сжечь тело отца было неправильно. *Все* мне об этом сказали. Когда мне что-нибудь говорят прямо, без шуток и намеков, я абсолютно все понимаю. Можно подумать, будто я всю жизнь этим занималась – постоянно жгла тела, – настолько упорно они продолжали об этом говорить. Было всего одно тело, и отец сам сказал мне так сделать – ну, в каком-то смысле.

Когда я наконец привела дом в божеский вид, было 13 декабря, 8 вечера, и я села перед телевизором, чтобы посмотреть «Холби Сити⁷». В этой серии у Эсси был день рождения,

⁷ «Холби Сити» – британский медицинский драматический сериал.

и я вспомнила, что у меня тоже день рождения. Я поставила сериал на паузу. Как я могла забыть? Никогда не забывала. Но со мной столько всего случилось!

Последние десять лет я сама пекла себе торт по рецепту из книги Делии Смит⁸. Хотя я и знала рецепт наизусть, всегда приятно взять с полки книгу. Мне нравилась Делия. Ее фото на обложке улыбалось, и на ней была красная блузка. Я всегда держала в шкафу хотя бы одну такую же блузку, как у нее. Ярко-красную и с пуговицами на горле. Делия казалась надежной. Если б у меня когда-нибудь появилась подруга, она была бы как Делия.

Было слишком поздно начинать печь торт, но мне исполнилось сорок три. Я решила прочесть первую часть отцовского письма, когда закончится «Холби Сити». Я досмотрела серию и выключила телевизор. В письме было всего две страницы. Каждый раз, когда отец получал длинное письмо, он выпивал бокал виски, пока читал его. Теперь я стала хозяйкой дома, и надо делать все то же, что раньше делал отец, – очевидно, не считая утилизации мусора.

1 ноября 2017 г.

Дорогая Салли!

Думаю, мы оба знали, что этот день скоро настанет, и я сожалею, если тебе грустно. Но пойму, если нет.

⁸ Делия Смит – английская повар, телеведущая и автор кулинарных бестселлеров.

Первое, что ты должна сделать, – это позвонить доктору Анджеле Кэффри. Ее телефон – 084–5412396. Извести ее о моей смерти. Она, вероятно, будет удивлена, что я так долго скрывал от нее свое состояние, но, как и ты, я не люблю суматохи, а благодаря рецептурным препаратам, которые ты покупаешь в Роскоммоне, меня не мучают боли. Я боялся, как бы разум не подвел меня, но, отправившись сегодня спать, я почувствовал, что могу остаться в себе до самого конца. Вставать и одеваться стало значительно тяжелее в последнее время, но я знаю, ты хорошая девочка и будешь кормить меня и заботиться обо мне.

У меня рак поджелудочной железы. Все началось с болей в спине, и специалист из Дублина подтвердил, что болезнь не подлежит лечению. Полагаю, рак очень быстро прогрессирует, так что не думаю, что тебе долго придется со мной возиться. Если это продлится дальше шести недель, я попрошу тебя позвонить Анджеле, чтобы она определила меня в какое-нибудь богомерзкое заведение паллиативной помощи. И если я впаду в бессознательное состояние, ты тоже ей позвонишь. Я знаю, ты не любишь разговаривать по телефону, но ты сделаешь это, потому что ты умная девочка.

Что касается организации моих похорон, я понимаю, что никогда не обсуждал с тобой подробности, так что позвони, пожалуйста, в похоронную службу Донована в Роскоммоне. Анджела

тебе с этим поможет. По традиции меня стоило бы похоронить рядом с твоей матерью в Дублине, на кладбище «Гласневин», но ты знаешь, я не очень люблю Дублин. Тут мы с тобой похожи.

Все счета оплачены. На тебя открыт банковский счет в роскошном отделении AIB. Твой менеджер – Стюарт Линч. Он знает, что делать. Денег на счете достаточно, чтобы ты продержалась на плаву до тех пор, пока суд утвердит завещание и все достанется тебе. Твоя мать из богатой семьи, но мы жили скромно, в частности, для того, чтобы ты наслаждалась жизнью, не думая о долгах, после моей смерти. Наш юрист – Джеффри Баррингтон из Шэннон Бридж. Он знает о тебе все, что нужно, и проследит, чтобы о тебе как следует позаботились. Джеффри знает многое, о чем не знаешь ты, но к этому мы перейдем позже.

Я хочу, чтобы похороны прошли в ирландской церкви Св. Иоанна в Лейнсборо. Это очень милая церковь, и кладбище расположено в красивом месте. Я не хочу просить слишком многого, но был бы рад, если бы ты смогла организовать хор, который бы спел «Будь видением моим, Господь». Я состоял в церковном хоре, когда был маленьким мальчиком. Это моя любимая песня, потому что иногда мы меняли слова местами ради смеха. Ох, ну и хулиганили мы тогда! Но я заговариваюсь.

Ты можешь не посещать похороны, если не хочешь, но я был бы рад твоему присутствию. Не думаю,

*что придет больше десятка человек, и ты их всех знаешь. Некоторые любопытные из Каррикишиди тоже могут объявиться, но ты просто не обращай на них внимания. Полагаю, я доставил уже достаточно хлопот, и тебе предстоит очень загруженная неделя, так что лучше делать все постепенно. Пожалуйста, не читай следующую часть письма до будущей недели.
Твой любящий отец*

Я допила виски и позвонила Анджеке.

– Должны быть похороны, – начала я.

– Я знаю, милая. Если ты не против, я уже запустила процесс. У меня тут копия письма твоего отца. Я позвонила в похоронную службу. Судмедэксперт согласился передать останки, когда мы захотим, так что особо планировать ничего не нужно. Единственное – в церкви Св. Иоанна нет хора. Я и не знала, что твой отец был там прихожанином.

– Не был, но иногда, летом, когда мама была еще жива, мы устраивали рядом с ней пикники.

– На кладбище?

– Иногда.

– Ты хочешь пойти, Салли?

– Нет, но я пойду.

– Просто дело в том, что эту историю узнала вся страна, и поэтому там могут быть...

– Он хотел, чтобы я пошла.

– Я знаю, но...

– Я иду. Можете вы с Надин тоже пойти, пожалуйста?

– Конечно, мы пойдем. Но...

– Спасибо. Вы уже знаете дату?

– Я ждала, пока ты прочтешь письмо и сама решишь.

– Это можно сделать завтра?

– Боюсь, так быстро мы не успеем все организовать. Может, в следующий четверг?

– Но до него почти целая неделя.

– Не думаю, что удастся быстрее. Мне нужно известить полицию.

– Зачем?

– Тобой заинтересовалось очень много людей, Салли. Мне кажется, ты не понимаешь, насколько необычно сжигать тело собственного отца, да и все остальное... то, что в письмах.

– Полагаю, мое имя при рождении было Мэри? Несколько человек на улице так меня называли.

– Пожалуйста, не покупай газет, не слушай радио и не смотри новости.

– Почему?

– Ты во всех заголовках, и очень многое из того, что они говорят, – просто домыслы. Оттуда невозможно вычленишь правду. Все реальные факты – в письмах твоего отца.

– Мне нельзя читать следующее до будущей недели.

Анджела тяжело вздохнула.

– Мне пора. «По долгу службы» начинается, – объявила я.

– Хорошо, милая, хочешь, я завтра зайду? Тебе что-нибудь нужно?

– Нет, спасибо. – Я повесила трубку.

Глава 9

Следующим субботним утро, когда я мыла пол на кухне, то услышала громкий шум на улице и увидела, как мальчик на велосипеде проезжает мимо кухонного окна прямо по высокой траве и огибает дом, направляясь к сараю. Через несколько секунд за ним проследовали еще двое мальчиков и девочка поменьше, которая сидела на багажнике одного из велосипедов. Как по мне, это выглядело не особо безопасно. Я не очень хорошо определяю возраст, но решила, что мальчикам где-то между двенадцатью и восемнадцатью. Был один худощавый, один темненький и один в веснушках.

Я открыла заднюю дверь и вышла наружу.

– Что вы здесь делаете? – крикнула я.

– Черт, это она! – взвизгнул худощавый, а маленькая девочка закричала. Мальчики резко развернули свои велосипеды и начали отчаянно крутить педали, уезжая подальше от дома.

– Странная Салли Даймонд, чудила! – крикнул мальчик в веснушках и исчез из виду. Темненький мальчик не смотрел, куда едет, поэтому налетел на лопату, лежащую в траве. В этот самый момент девочка слетела с багажника велосипеда и стукнулась головой о рукоятку лопаты, которая поднялась вверх под весом мальчика и его велосипеда. Это было похоже на сценку из мультиков про Багза Банни. Мальчик

не остановился и удрал со своими друзьями.

Я ждала, что девочка заплачет. Она не переставала истерически вопить с той секунды, как увидела меня. Но она пластом лежала на земле, неподвижно и тихо.

Я осторожно двинулась в ее сторону. Ее глаза были закрыты. Я приложила ладонь ей ко лбу – он был горячий. Потом положил руку на узкую грудь – она вздымалась и опускалась с каждым ударом сердца. Девочка не умерла. Я заподозрила у нее сотрясение. Отец учил меня оказывать первую помощь, и каждый год, 1 октября, мы проходили курс заново. Он говорил, это для того, чтобы обезопасить меня, но еще – что так я могу помочь кому-то другому, если вдруг окажусь свидетелем несчастного случая. Я раньше никогда не оказывалась свидетелем несчастного случая. Я приподняла голову девочки и, разумеется, нащупала шишку у нее на затылке. Крови не было. Повода для паники нет. Я подняла ее с земли и понесла, подхватив сзади одной рукой, а второй прижав маленькую головку к своему плечу. Я внесла девочку в дом и положила на диван в гостиной. Накрыла ее покрывалом, потому что еще не разжигала огонь, и пошла за льдом на кухню. Пересыпала весь лед из формы в чистое полотенце для рук и вернулась в гостиную. Я аккуратно приподняла ее голову и приложила импровизированный пакет со льдом к шишке. Веки девочки задрожали и приоткрылись, а ее глаза расширились от ужаса, когда увидели меня. Она снова закричала, и я поняла, что она напугана.

– Больно? – спросила я.

Девочка шарахнулась от меня и стала отползать. Тут я поняла, что мне не было неприятно дотрагиваться до этой девочки, или прижимать ее к себе, или нести, пока она была без сознания. Я протянула ей лед и сказала:

– Тебе нужно приложить это к затылку и немного полежать. У тебя сотрясение. Мне нужно позвонить доктору Кэффри. Не хочешь стаканчик бренди?

Она замотала головой и тут же поморщилась.

– Постарайся не двигаться. Ты притворяешься, что не можешь говорить? Я постоянно так делаю. Ты такая же, как я?

Она взглянула на меня, и ее глаза наполнились слезами. У нее было миленькое маленькое личико. Вдруг у девочки задрожали губы, и она произнесла:

– Я хочу к маме.

Я вздохнула.

– Я тоже, хотя заметила это только недавно, когда умер мой отец. Твоя мама жива?

– Да. – Ее голос стал немного срываться. – Вы можете ей позвонить, пожалуйста?

Ага. Вопрос. Вопрос, который я не люблю. Я не люблю звонить по телефону незнакомцам.

– Я позвоню доктору Кэффри, и она сможет позвонить твоей маме, хорошо?

– Хорошо.

Я вспомнила, что дети любят сладкое.

– Хочешь шоколадное печенье?

– Можете сначала позвонить моей маме?

– Ладно.

Я пошла в кабинет отца за телефоном и принесла его в гостиную. Теперь девочка сидела в кресле отца, на другом конце комнаты, но все еще прикладывала лед к голове.

Когда я собиралась спросить у нее номер, она быстро выпалила:

– Я могу сама позвонить маме?

Это показалось мне хорошей идеей. Я передала ей телефон. Девочка отвернулась и набрала номер. Она явно не хотела, чтобы я узнала ее телефон.

– Мам, можешь приехать и забрать меня, пожалуйста?.. Я... – она подняла на меня глаза, – я дома у странной Салли Даймонд... Да, *знаю*. Она здесь... В комнате вместе со мной. Я ехала на велосипеде с Мадукой. Он свалился, и я упала... Я не знаю, где он... Пожалуйста, приезжай и забери меня... быстрее... Нет, – прошептала девочка, – но она спросила меня, не умерла ли ты... Я не знаю... Мадука с Фергюсом и Шоном хотели посмотреть, где она... ну, ты знаешь, – девочка снова на меня посмотрела, – где она сделала это.

Тут в окно влетел камень и приземлился у моих ног. Я выглянула и увидела, что два белых мальчика подбирают камни с гравийной дорожки и швыряют в окно. Девочка скрючилась в кресле. Спинка должна была защитить ее от осколков.

Я побежала к входной двери.

– Отпусти ее! – прокричал мальчик в веснушках.

– У нее сотрясение из-за *тебя*, Мадука! – Я указала на темненького мальчика. – Ты уронил ее с велосипеда, и она ударилась головой. Она сейчас говорит по телефону со своей матерью.

– Ох, черт, ну и влетит же мне.

– Вы разбили мне окно. Бросьте сейчас же камни.

– Убийца Салли Даймонд! – крикнул худощавый, но камни они бросили.

Девочка подошла к двери, все еще держа телефон в руках. Она взглянула на меня и передала трубку.

– Мама спрашивает адрес. – Я не хотела говорить с ее мамой. Я не хотела видеть этих детей на своей территории и не хотела чинить разбитое окно.

– Ты, – указала я на Мадуку, – объясни ей, где я живу. – Мадука подошел ко мне, и я увидела страх и в его глазах.

Он взял у меня телефон.

– Привет, мама, – он понизил голос и отошел вместе с трубкой. Я не смотрела на других мальчиков, но заметила, как они поднимают свои велосипеды и медленно ретируются в сторону ворот. Когда Мадука отдал мне телефон, они уже исчезли.

Мадука и девочка сидели вместе на диване, пока я собирала осколки и разводила огонь. Они перешептывались, когда я отрезала кусок картона и вставляла его в оконную раму.

Потом я дала им шоколадных печений. Они взяли по од-

ному, понюхали, Мадука лизнул свое, кивнул девочке, и они оба съели печенья с такой скоростью, что на колени посыпались крошки. Мы посидели в тишине.

Внезапно Мадука откашлялся и спросил:

– Вы это сделали?

Я избегала его взгляда.

– Сделала что? – Обычно у меня плохо получается угадывать, но тут сразу возникла идея, что он собирается спросить.

– Убили собственного отца, а потом сожгли его? То есть вы сожгли его заживо?

– Нет. Я такого не делала. Он уже был мертв в то утро, когда я принесла ему чай, так что я вынесла его вместе с мусором. Мы обычно сжигаем большую часть нашего мусора в печи, так что я решила, что мне так и нужно поступить.

– Вы абсолютно уверены, что не убивали его?

– На сто процентов. Я проверила пульс. Ничего. Полицейские подтвердили, что я не убивала его. Я совершила ошибку, когда сожгла его тело. Я не знала, что нельзя этого делать. Если б я убила его, то сидела бы в тюрьме, разве нет?

– В школе говорят другое.

– В школах всё время врут. Когда я ходила в школу, все про меня врал. Это было ужасное место.

Дети переглянулись. Мадука прошептал:

– Фергюс говорит, от меня пахнет.

– Чем?

– Я не знаю... Наверное, от меня пахнет... плохо.

Я придвинулась к нему, но не слишком близко, и понюхала воздух.

– Видишь? Они врут. Ничем от тебя не пахнет. Зачем вы общаетесь с такими идиотами, как Фергюс? Это тот, с веснушками?

– Нет, высокий.

Девочка улыбнулась.

– Меня зовут Абеби.

– Ты не выглядишь как младенец⁹.

Она захихикала и показала, как это пишется. Я тоже улыбнулась ей.

– Тебе тоже говорят, что от тебя пахнет?

– Нет, но некоторые девчонки говорят, будто мне нужно чаще умываться, чтобы у меня лицо побелело.

– Глупые девчонки.

В этот момент их мама приехала за ними. Я услышала, а потом и увидела машину на подъездной дорожке. Я заявила, что они могут идти. Мальчик обратился ко мне:

– Я заставлю Шона и Фергюса заплатить за ваше окно. Я говорил им не бросать камни, но они не слушали.

– У них есть работа?

– Нет, нам только двенадцать.

– Тогда я сама заплачу за окна. У меня теперь много денег.

⁹ На английском имя пишется как «Abebi» – созвучно с «э бэйби» (a baby) – ребенок, младенец.

Он улыбнулся.

– Спасибо.

– Хотите прийти на похороны моего отца в четверг?

Абеби посмотрела на меня своими большими круглыми глазами.

– У нас школа.

– Я бы на вашем месте не утруждала себя походами в школу. Только время терять.

Их мать оставалась снаружи и укладывала велосипед мальчика в багажник. Она не приближалась к двери, но вытягивала шею, чтобы разглядеть меня. Но я стояла за дверью, и меня не было видно. Это была белая женщина. Я услышала, как она кричит детям:

– Быстрее! Выходите оттуда! Когда приедем домой, вы у меня увидите!

Я сыграла в мамину игру и попыталась представить, что эта женщина думает обо мне. Я решила, что она должна быть напугана. Наверное, многие люди боялись меня. Кроме, похоже, этих двух детей. Они мне понравились. Мадука и Абеби. Я забыла спросить Абеби, сколько ей лет. Мне хотелось узнать. Мне хотелось узнать, в каком доме они живут, какие передачи смотрят по телевизору и такой же ли у них хороший папа, как мой.

Глава 10

На следующий день, рано с утра, раздался стук в дверь. Это была Анджела. Она нахмурила брови и сжала губы. Это значило, что она раздражена.

– Салли! О чем ты думала? Ты не можешь приглашать незнакомых детей к себе в дом!

– Я их не звала. Они сами пробрались на участок. Я заподозрила у девочки сотрясение, а потом дала им шоколадное печенье.

– Ты сказала им не ходить в школу!

– Они мне понравились.

– Ну что же, я потратила немало времени, чтобы успокоить их мать и объяснить ей твою ситуацию. Салли, пожалуйста, старайся думать о последствиях своих слов и поступков, особенно с детьми! Я врач-терапевт на полной ставке. Мне пришлось взять отгул на прошлой неделе, чтобы устранить всю эту катастрофу.

– Какую катастрофу?

Анджела вся покраснела, но тут на ее лице растянулась улыбка, и она громко рассмеялась.

– Салли, ты и *есть* катастрофа. Это не твоя вина, но если у тебя возникают сомнения по какому-либо поводу, *обращайся* ко мне, ладно?

– Но у меня нет сомнений ни по какому поводу.

– Это меня и пугает. Миссис Адебайо теперь уже все поняла, но раньше она слышала о тебе только слухи, что ты убила своего отца. Мне удалось ее переубедить, и, к счастью, дети *подтвердили*, что ты была добра к ним.

– Белые мальчики разбили мне окно.

Я показала Анджеле повреждения и попросила позвонить стекольщику.

– Салли, я понимаю, тебе тяжело, но придется научиться обслуживать себя самостоятельно. Например, звонить стекольщику. Ох, господи, у тебя же нет смартфона, да? И компьютера? Но ты знаешь, как пользоваться «Желтыми страницами»? Они у тебя вроде как есть? Я видела книгу на століке в коридоре.

Я кивнула.

– Ну, найди номер службы, которая работает в этом районе, и попроси их приехать и все починить.

Я зашагала по комнате.

– Салли, я знаю, твой отец хотел как лучше, но он слишком опекал тебя. Тебе надо было поступить в колледж. Джин была права.

Джин – имя моей матери. Они с отцом спорили, стоит ли мне поступать в университет. Отец победил.

– Мне не нравится говорить с незнакомцами.

– Ну, вчера ты привела к себе в дом двух незнакомцев и без всяких проблем с ними поговорила. Ты пригласила их на похороны отца?

– Да.

– Зачем? Они *дети*.

– Они мне понравились.

– Ну, вот видишь. Значит тебе не нравятся не все незнакомцы.

Я никогда не думала об этом в таком ключе.

– Так что найди стекольщика в Роскоммоне и попроси его приехать и починить окно, ладно?

– А что, если он разозлится, или нападет на меня, или окажется одним из тех, кто верит, будто я убила отца?

– Большинство людей знает правду, а те, кто не знает... они, ну...

– Они боятся меня?

– Я предполагаю, в таком случае стекольщик приедет, починит твое окно и постарается убраться отсюда как можно скорее.

– То есть мне не надо предлагать ему чашку чая?

– Тебе ничего не надо делать, только заплатить ему.

– Наличными?

– Да, я думаю, он предпочтет наличные. Слушай, мне надо идти. Я опоздаю на работу. Звони мне, если будут какие-то проблемы. Повесь телефон обратно на крючок, чтобы мне не приходилось каждый раз приезжать к тебе домой. Увидимся на похоронах в четверг, но я *и правда* занята.

Я поняла, что мне нужно извиниться.

– Извини, Анджела.

– Хорошо, что твоя история – это уже вчерашний день. Медийный цирк продолжает работу. Один из членов совета графства задержан за взятку в шесть миллионов евро, а парень в Ноккрохери вчера убил своего лучшего друга. Но мне пора идти. Пока! – Она ушла, оставив после себя запах антисептика. Мне он нравился. Анджела всегда такая чистая.

Садясь в машину, она крикнула:

– А, и еще надо придумать что-то на Рождество. Приедешь к нам.

Сам по себе звонок по телефону оказался не таким сложным, как я представляла. Я несколько раз отрепетировала, прежде чем поднять трубку. Объяснить местоположение дома оказалось самым трудным. Поскольку я живу далеко, мне сказали отдать 80 фунтов за выезд плюс заплатить за стекло и время, пока его будут менять, и еще мне нужно померить стекло и перезвонить. Женский голос был приятный и с каким-то акцентом, но я не смогла определить страну.

Я померила окно и перезвонила. На этот раз интонация у женщины изменилась, но, поскольку я не видела ее лица, не могла понять, как она настроена. Женщина еще раз уточнила мое имя и адрес, а потом спросила, не дочь ли я Томаса Даймонда.

– Да, – ответила я.

– Понятно, Алекс будет у вас завтра утром около десяти часов.

Алекс приехал вовремя, вставил окно и ушел меньше чем через час. Он почти со мной не разговаривал, а я сидела на кухне. Я отсчитала наличные, и он сказал – вернее, пробормотал:

– Сочувствую по поводу вашего отца.

– Мне не стоило пытаться его сжечь. Это недоразумение.

Больше он ничего не сказал, сел в свой грузовик и уехал.

Глава 11

В четверг, 19-го числа, проходила поминальная служба. Я сама доехала до церкви, несмотря на предложение Анджелы. Она сказала, что обычно туда ездят на кортеже за катафалком, но я не видела в этом смысла. У ворот стояли двое охранников и не пускали фотографов. Вопреки предположению Анджелы, моя история еще не была вчерашним днем. Я заметила людей, направивших на меня свои мобильные телефоны, как только я подъехала к церкви. Наверное, деревня в этот момент пустовала, потому что все собрались здесь. Большинство имен я не знала, но почти все лица были мне знакомы.

Я надела черное пальто, которое надевала на похороны мама. Под ним на мне было зеленое платье (тоже мамино), потому что в черном ее похоронили. Еще я надела свои черные ботинки и красный берет с блестками: отец говорил, он для особых случаев. Я надевала его всего один раз, когда мы ездили в парк дикой природы Фота Айленд, когда мама была еще жива. То были хорошие выходные. Но сейчас тоже особый случай.

Люди, чьи лица были мне знакомы, хотели подойти, взять меня за руку и пожать ее. Я каждый раз ее отдергивала, но потом ко мне подошла Анджела.

– Они хотят пожать тебе руку, чтобы выразить сочув-

ствие. Постарайся потерпеть и не отказывать. Красивая шляпа, кстати. Твой отец одобрил бы.

Я видела похороны по телевизору. Я знала, что от меня ожидают рукопожатий, слез и всхлипываний. Я попросила Анджелу дать мне одну из ее таблеток.

Я позволила пожать себе руку уже сорока людям. В какой-то момент Анджела зашипела на меня:

– Ты тоже должна жать им руки!

Мне все это не нравилось. Мне не нравилось, что здесь все эти люди. Я уверена, многие из них едва знали отца, но у каждого находилось что про него сказать.

– Он был очень добр к нам, когда у мамы случился приступ, царствие ей небесное.

– Он всегда тратил деньги с умом.

– Если б не твой отец, мне была бы крышка, – сказал какой-то старик со слезящимися глазами. Я знала, отец изредка навещал больных матери, когда она очень сильно его просила.

Надин отвела меня под локоть в сторону. Я не возражала, если меня брали под локоть.

– Там пришли твои друзья, – объяснила она. Я не поняла, о ком она говорит, но тут, посреди толпы местных, я заметила Мадуку, Абеби, их мать и, вероятно, отца.

Не обращая внимания на остальных скорбящих, я пошла прямо к ним. Мистер Адебайо произнес:

– Меня зовут Удо, и вы уже знакомы с моей женой, Мар-

той. Я бы хотел принести свои соболезнования и извиниться за вторжение моих детей в субботу. По пути сюда Мадука признался, что один из его друзей разбил вам окно. Пожалуйста, позвольте нам возместить все расходы. – Он говорил очень быстро. Похоже, с нигерийским акцентом. Значит, дети не приемные, как я. У Мадуки было заплаканное лицо.

Потом заговорила Марта:

– Мы велели им больше вас не беспокоить.

– Не нужно платить за окно. Все уже отремонтировано и оплачено. Стекольщик меня испугался. Наверное, мальчики боялись, что я сожгу Абеби в печи. Это не их вина.

И вот, я снова лягнула лишнее. А потом сделала еще кое-что необычное. Я вытянула руку и погладила Мадуку по лицу.

– Они хорошие дети. Но их друзья мне такими не кажутся. Шон и Фергюс. – У меня великолепная память.

– Мне больше не разрешают с ними играть, – сказал Мадука. Марта пробормотала что-то про дурное влияние.

– Я подумала, они должны по крайней мере прийти сюда и сказать, как им стыдно, – заявила Марта. Абеби выпустила руку матери и посмотрела прямо на меня.

– У нас будет рождественская постановка в четверг. Я играю Деву Марию. Вы придете посмотреть на нас?

Я раздумывала над ее предложением, когда меня отвлекло прибытие катафалка.

Я попыталась представить, какое безобразие сейчас лежит

в гробу. Бедный отец. Нужно было тогда позвонить Анджеле. Но ему стоило написать на конверте: «Открыть в день моей смерти». Большими буквами. И подчеркнуть.

Толпа перед церковью затихла, и Анджела отвела меня за катафалк, где гроб отца выгружали на сложную складную каталку. Мы встали за гробовщиками и проследовали за ними в маленькую, милую церквушку. Надин сказала мне, что она заказала цветы. Мне кажется, это пустая трата денег – покупать цветы мертвецу, но еще я знала, что мне не всегда стоит озвучивать свои мысли. Краснощечий викарий подошел пожать мне руку. Я убрала руки в карманы.

Он попросил посетить его накануне вечером, но я ответила ему по телефону, что не люблю встречаться с незнакомыми людьми. Он напомнил мне, что видел меня несколько раз, когда я была маленькой девочкой и ходила в церковь вместе с мамой. Я объяснила, что он по-прежнему квалифицируется как незнакомец, так что викарий согласился обсудить все приготовления по телефону. Он задал мне пару вопросов об отце, и я ему на все ответила.

– Наши ряды редеют с каждым годом. Полагаю, вы вряд ли захотите посещать нас, даже на нерегулярной основе?

– Нет, – отрезала я, – это очень скучно.

В церкви было ужасно душно. Не думаю, что она когда-нибудь принимала столько католиков сразу. Технически она являлась англиканской, но несколько лет назад мы с от-

цом сошлись на том, что мы – атеисты.

Мы заняли места в первом ряду. Надин и Анджела сели по обе стороны от меня. Миссис Салливан, сотрудница почты, и Морин Кенни со своим мужем-мясником встали позади нас. Гер Маккарти встал в противоположном ряду. Я никогда раньше не видела его в костюме. А еще он был гладко выбрит. Я попыталась найти Мадуку и Абеби, но они, видимо, остались позади.

Это была обычная скучная церемония, не считая того, что гроб стоял прямо перед нами. Викарий произнес проповедь о том, какое важное место занимал отец в жизни общины, что было удивительно, потому что отец избегал ее членов примерно так же, как и я. Анджела произнесла речь, в которой вспомнила мою мать и заявила, что, какие бы ошибки ни произошли непосредственно после смерти моего отца, она уверена, сейчас он гордится мной. После этого прозвучали вялые аплодисменты, но я знала, Анджела права: отец часто говорил, как мною гордится. Я улыбнулась ей.

После церемонии мы пошли на кладбище, где раньше устраивали пикник, и там уже была вырыта яма для гроба отца. К этому времени половина народа уже ушла. Гер Маккарти пожал мне руку и сказал, что сочувствует моему горю. Довольно много людей произнесли те же самые слова, прежде чем исчезнуть. Но я заметила семью Адебайо и была рада, что они остались. Начался сильный дождь, как обычно

бывает во время похорон по телевизору. Гроб погрузили в яму, и мы наконец смогли уйти.

Анджела говорила, что присутствующие на похоронах могут ожидать приглашения в дом. Некоторые соседи передали через нее еду, сэндвичи, пироги и торты. Очевидно, так было принято. Но я их не знала. Почему я должна приглашать их к себе домой? Мне сказали, что деревенские отправились в паб. Надин и Анджела пригласили меня к себе, но я слишком устала и хотела домой и спать.

Когда я подошла к машине, ко мне подбежала Абеби:

– Мне жаль по поводу вашего папы и мне жаль, что мы к вам залезли.

За ней подошла и ее семья. Удо произнес:

– Если вам нужно сделать что-то по дому, я уверен, Мадука будет рад помочь, или, если для него будет слишком тяжело, могу помочь я.

– Только... пожалуйста... – начала Марта, – не говорите им не ходить в школу. Им там нравится.

Какое-то время я молчала, но потом спросила:

– Можно им как-нибудь после школы прийти ко мне на чай?

Марта посмотрела на Удо. Абеби вложила свою теплую маленькую ладошку в мою, и я даже не вздрогнула.

– Я даже не знаю. Им надо делать домашнюю работу... – протянула Марта.

– Я отлично справлялась с домашней работой. Может, я

смогу помочь?

– Тогда посмотрим после праздников?

– Что вы делаете на Рождество? – спросила я. Кажется, сегодня почти все задавали именно этот вопрос. И я хотела поддержать разговор. Максимально непохоже на меня.

– Обычный день в кругу семьи. С утра церковь. Потом Санта-Клаус, индейка, объевшиеся шоколадом дети и вечерний кинопросмотр.

– Я могу прийти? – спросила я.

Рядом со мной возникла Анджела. Она рассмеялась и взяла меня за локоть.

– Ну и шутки у тебя, Салли. Не волнуйтесь, Марта, она проведет Рождество с нами.

Ненавижу, когда надо мной смеются. Я начала теребить волосы.

– Я не всегда говорю, что нужно. – Я знала, что сделала что-то не так. – Вы знаете, я социально неполноценна.

– Мне бы не хотелось, чтобы ты себя так называла, – встала Анджела.

Но я знала, эти два слова помогают в конфликтных и неловких ситуациях. В разговоре повисла пауза. Марта и Анджела покраснели. Я смотрела на них по очереди.

– Мне нравится ваша шляпа, – наконец произнесла Марта.

– Спасибо, она для особых случаев.

Глава 12

Я поиграла на пианино, когда вернулась домой. Это успокаивает. Но потом поняла, что устала, и пошла вздремнуть. Я проснулась, уже когда спускались сумерки, и вспомнила, что сегодня один из самых коротких дней в году. Я не ела с завтрака. Часть еды от соседей я засунула в холодильник и морозилку. Я снова задумалась, кого они во мне видят. Люди, которые приготовили еду, не боялись меня. Сомневаюсь, что большинство людей в церкви боялись меня. Надин сказала, они знают о моих странностях и понимают, что я просто допустила ошибку. Но мне было ясно, что это и значит социально неполноценная.

Когда я поставила бефстроганов в микроволновку (его вместе с весьма полезными инструкциями передала «Кэролайн с заправки»), я поняла, что прочла первое письмо отца ровно неделю назад. Я налила себе бокал виски. Еда оказалась вкусной. Я была удивлена. Отец всегда говорил, что нет смысла пробовать что-то новое, ведь в моей жизни все полностью стабильно. Нужно найти Кэролайн с заправки и спросить у нее рецепт. Я хорошо готовлю по рецептам.

Я открыла конверт и достала вторую часть отцовского письма.

Дорогая Салли!

Большую часть твоей жизни я ограждал тебя

от психотерапевтов, психиатров (кроме меня) и психологов.

Моя профессия никогда не позволила бы мне никому в этом признаться, но наша работа не очень-то научна, это скорее игра в угадайку. Примерно каждые десять лет мы придумываем новые ярлыки, чтобы разбивать людей по категориям. Тебе могли бы диагностировать тревожное расстройство, или ПТСР. Кто-то мог бы даже сказать, что у тебя расстройство аутического спектра, или поведенческое расстройство. Но факт заключается в том, что ты просто немного странная, и все.

Ты – это ты. Такая же уникальная и своеобразная, как и любой другой человек на планете. Твои странности – это не нарушения (хотя мы их так называем, чтобы тебе выдавали пособие), это скорее особенности твоего характера. Ты не любишь говорить по телефону, а я не люблю цветную капусту. Так ли уж сильно мы отличаемся?

Я никогда не мог поставить тебе диагноз, потому что ни одна из сложившихся категорий не объясняла твою личность. Ни один ярлык не смог бы объять все противоречия в твоём поведении. Иногда ты любопытна. Иногда совершенно равнодушна. Ты эмоционально реагируешь на вещи, которые других людей не волнуют, но тебя может не тронуть то, что опустошит любого другого. Ты не любишь разговаривать с незнакомцами, но иногда я не могу заставить тебя замолчать: помнишь тот случай,

когда к нам пришли Свидетели Иеговы?

Обычно ты не любишь, когда на тебя смотрят, но иногда ты смотришь людям прямо в лицо, изучаешь их (так, я понимаю, ты хочешь больше о них узнать; должен напомнить тебе, что многим это доставляет дискомфорт). Твое поведение всегда было непоследовательным. Это не плохо. Но тебе не подходит ни один из известных мне диагнозов.

Но дело в том, что сейчас тебе будет неразумно оставаться в одиночестве. Возможно, с моей стороны было неразумно потакать твоей самоизоляции. Не уверен, что ты когда-нибудь почувствуешь одиночество. Но твой процесс принятия решений не всегда соответствует общепринятому понятию «нормального». И это может создать неприятные ситуации и проблемы. Я думаю, тебе нужно руководство. Иногда тебя сбивают с толку вещи, которые важно понимать. Твое нежелание сблизиться с людьми идет тебе во вред. Я знаю, тебе нравится Анджела и ты доверяешь ей. Но ты не можешь во всем от нее зависеть. У нее обширная практика, и она очень загружена. А еще ей с Надин нужно личное время, так что ты не можешь просто бежать к ним с любым вопросом. Я сделал тебя зависимой. Это моя ошибка.

Я чувствую ответственность за то, что ты стала отщепенцем, и наш дом это только усугубляет. Он уже начал потихоньку ветшать, как и я. И он слишком изолирован, как и ты.

Машина не прослужит вечно, но ты легко можешь купить себе новую. С учетом всего этого, я думаю, твоя мать была права много лет назад, когда говорила, что мы должны найти способ ввести тебя в общество. Я знаю, тебе жутко не нравилось жить в Роскоммоне, но ты должна находиться среди людей. Не хочешь подумать насчет переезда в Каррикинди? К тому же тебе не нужен дом с тремя спальнями. Я поступил эгоистично, позволив тебе проводить здесь время наедине с собой, только иногда прибегая к моей компании.

Задний двор совсем зарос и одичал. Помнишь, как твоя мать выращивала там полевые цветы? Летом там всегда было полно пчел и бабочек. Я и об этом сожалею, помимо прочего – что мы за ним не ухаживали. Ты сочинила про него песню. Пожалуйста, продолжай петь и играть на пианино всю жизнь, потому что это приносит тебе удовлетворение и, я уверен, сможет доставить радость другим.

Думаю, Геру Маккарти давно приглянулась эта земля. Он спрашивал меня о ней несколько лет назад, но я побоялся изменений, которые могут расстроить тебя. Я относился к тебе как к ребенку. Прости меня, милая. Он, наверное, обновит дом и участок, который примыкает к его. Маккарти уже арендует у нас второе поле за домом, как ты знаешь. Я бы рекомендовал продать ему все, но посоветуйся с агентом по недвижимости. Этот дом – вполне просторный и хороший, с большими окнами, но

запущенный. А вот земля вокруг него очень плодородна и идеально подходит для выпаса скота. Хоть мы и на самом отшибе, деревня расплзается все дальше. На главной улице уже построили жилые дома. Кто бы мог подумать? Может, ты помотришь, не продается ли там что-нибудь?

Не хочешь подумать насчет работы? Мне сложно представить, что бы тебе подошло, но выходить из дома на регулярной основе для тебя полезно.

Кстати, о счетах не волнуйся, они все на прямом дебите, и Джефф Баррингтон проконтролирует, чтобы они оплачивались, пока утверждается завещание.

В самом начале мне казалось забавным, когда ты прикидывалась глухой. Но теперь я понимаю, что это было неразумно. Тебе нужно разговаривать с людьми. Задавать им вопросы про их жизнь. Для начала беседы достаточно простого «Как дела?». Пытайся смотреть им в лицо. Даже если тебя не интересует ответ, ты внезапно можешь найти нового друга. Единственная возможность для этого у тебя была в школе, и даже несмотря на неудачный опыт, там были хорошие девочки, которые пытались помочь тебе. Помнишь их? Во внешнем мире ты найдешь больше добрых людей, чем наоборот. Просто ищи.

Джанет Рош ведет класс рисования, и тебе было бы хорошо там с кем-нибудь познакомиться. Йен и Сандра ведут несколько разных курсов в библиотеке Роскоммона, и, насколько я знаю, на одном из них учат

пользоваться компьютером. Платить за это не надо. На твоём месте я бы начал с этого.

Пока что все, милая. Хорошей недели. Прежде чем ты откроешь последнее письмо на следующей неделе, я хочу, чтобы ты хорошо поела и выпила бокальчик виски. Там будет очень много информации, и я не хочу сваливать на тебя все и сразу.

Твой любящий отец

Зачем мне переезжать из дома? Мне тут нравится. Я не хотела жить в деревне, и уж точно не хотела социализироваться. Может, я могла бы стать няней. Для Абеби и Мадуки. Марта и Удо могли бы иногда звать меня приглядеть за ними. И платить мне не придется.

И еще кое-что любопытное. Отец упомянул в своем письме про ПТСР. Я знала, что это значит посттравматический синдром. Какую травму он имел в виду?

Глава 13

На следующий день я пошла на почту. Внутри собралась большая очередь, люди болтали друг с другом, но, как только я вошла и они увидели меня, все сразу стихло. Женщина передо мной присутствовала на похоронах.

– Мы и не знали, что вы говорите, – произнесла она.

– Как дела? – спросила я, как советовал отец. Но вместо ответа она сказала:

– Я Кэролайн с заправки, я оставила у вашей двери запеканку несколько дней назад. Наверное, сложно готовить и вообще здраво рассуждать, когда переживаешь такое горе.

– Она была потрясающая, – ответила я. – Можно взять рецепт?

Я взглянула ей в лицо. Красная помада, голубые глаза. Она, наверное, чуть моложе меня, но я не очень хорошо умею угадывать возраст.

– Конечно, могу отправить имейлом?

– Я не пользуюсь компьютером, но после Рождества собираюсь пойти на курсы в библиотеке. Они бесплатные. – Я это уточнила, позвонив в библиотеку утром. Разговор прошел легко, и мужчина, Йен, был очень мил.

– У вас есть телефон? Могу написать СМС.

– Нет.

– Тогда я запишу вам его и отдам, когда приедете на за-

правку.

– Спасибо. Кстати, я рассуждаю вполне здраво, но эмоционально выключена, поэтому переживаю горе не совсем нормально. Как дела? – Я решила попробовать еще раз.

– Занята, – сказала она и показала мне стопку конвертов. – Стараюсь донести все рождественские открытки до почты, пока еще не поздно.

Почтальон доставил несколько рождественских открыток на прошлой неделе. Некоторые были адресованы отцу, некоторые – мне. Я подумала, что стоит, наверное, их открыть.

Я не знала, что еще сказать Кэролайн.

Очередь продвигалась медленно, многие посетители пытались пихать в окошко миссис Салливан громоздкие посылки.

– А где вы проведете Рождество? – поинтересовалась Кэролайн.

– Меня вроде как пригласили Анджела и Надин, но я не уверена, что пойду. Может быть, останусь дома.

– Эти двое?

– Да. – Я снова посмотрела ей прямо в лицо и увидела, что она нахмурилась. Что на этот раз я сказала не так?

– Не надо вам проводить с ними слишком много времени. Я езжу к врачу в Роскоммон с тех пор, как умерла ваша мама. Могут подумать, что вы одна из них.

– Из кого?

– Ну, вы знаете. Лесбиянок. – Последнее слово она про-

шептала.

– Ну, теоретически я гетеросексуальна, – заявила я.

Она растерянно посмотрела на меня.

– У меня никогда не было секса, так что я не могу быть на сто процентов уверена.

В этот момент она отвернулась, и было похоже, что разговор окончен. Но мы по-настоящему поболтали, и я очень гордилась собой. Она достала телефон из кармана и стала его листать. Когда ее обслужили, она кивнула мне перед уходом.

– До свидания! – крикнула я. – Было приятно поболтать.

Но она ничего не ответила.

Миссис Салливан в окошке наклонила голову набок.

– Салли, как ты? – Она по-прежнему кричала, будто я глухая.

– Спасибо, хорошо. Мне нужен адрес Марты Адебайо, пожалуйста. Ее нет в телефонной книге.

– Марты, которая преподает йогу? – проорала она.

– Я не знаю, чем она занимается. Ее мужа зовут Удо, и у нее двое детей.

– Да, я знаю, о ком ты говоришь. Ее студия на Брекен-лейн, рядом с мясником. Студия «Санфлауэр». Не думаю, что могу дать тебе домашний адрес. Зачем он тебе?

Я снова притворилась глухой и развернулась к выходу.

– Счастливого Рождества! – крикнула она мне в спину. Я не ответила на поздравление.

– Бедняжка, – сказала она мужчине, стоявшему за мной. –

Видимо, слух то появляется, то пропадает.

Я поднялась на холм и свернула налево, на Брекен-лейн, к лавке мясника. Студия «Санфлауэр» оказалась прямо в соседнем здании. Я помню, что когда-то здесь находился цветочный, но потом в Ноктуме, деревне в пяти милях отсюда, открылся большой супермаркет, и постепенно и цветочные, и продуктовые, и кондитерские позакрывались, и остались только маленький супермаркет «Гала» и автозаправка.

За большим окном по типу витрины я увидела шесть женщин и одного мужчину. Они стояли спиной к стеклу, расставив ноги, подняв зад и вытянув руки вперед. Марта стояла к ним спиной, и они все поднимали и протягивали руки к потолку с растопыренными пальцами, а потом вслед за ней нагибались вперед, опуская руки и плечи, и трясли ими, снимая напряжение. Я смотрела такие же уроки по телевизору несколько лет назад и занималась по утрам. Отец иногда присоединялся. Он говорил, что упражнения для меня полезны, но, не считая долгих прогулок по нашему участку, я в последнее время ничего не делала.

Занятие закончилось. Ученики начали забирать свою одежду, сложенную аккуратными стопками на полках, и сразу накидывали ее. Я решила, что здесь, видимо, нет душевых, и снова подумала об идеальном душе Анджелы и Надин.

Тут я услышала голос Марты:

– Салли! Заходи! Ты хотела записаться на занятия?

Я протиснулась в дверь, пока мимо меня выходили остальные. Я не поднимала глаз, пока мы не остались одни.

– Как дела? – спросила я.

– Неплохо. Немного потно. – В помещении было тепло, и я заметила, что стойка флориста по-прежнему здесь. Марта подошла к питьевому фонтанчику. – Это последнее занятие перед Рождеством, но можешь присоединиться к нам после 4 января. 100 фунтов за восемь занятий. Уверена, ты будешь не против немного размяться?

– Вам не нужна бесплатная няня?

– Что, прости?

– Я знаю, у меня нет опыта, но моя мама всегда говорила, что мне надо найти работу, а ваши дети – первые, которые мне понравились. Я могла бы кормить их, и я проходила курс первой помощи, так что они будут в полной безопасности, и я хорошо училась в школе, так что, возможно, смогу помочь с домашней работой.

Выпалив все это, я взглянула на нее: я не была уверена, что Марта правильно меня поняла.

– А еще я запаслась шоколадным печеньем, и обещаю не говорить им, чтобы они не ходили в школу. Я буду делать в точности то, что вы мне скажете. Можете все для меня записать. Я прекрасно действую по инструкции. Я могу забирать их и привозить домой – так часто, как захотите.

Марта улыбалась. Это был хороший знак. Мы присели на стулья, и она отпила из своего пластикового стаканчика.

– Я очень рада, что тебе нравятся мои дети.

– Так что насчет няни?

– Слушай, без обид, Салли, но мне не кажется, что ты хорошо... подходишь для такой работы. К тому же я работаю неполный день, так что могу находиться дома, когда заканчивается школа. Нам не нужна няня.

Я была недовольна.

– Почему вы думаете, что я не подхожу?

– Салли, у тебя нет соответствующей квалификации. Я рада, что тебе нравятся мои дети, но то, что они – *единственные* дети, которые тебе нравятся, это немного... странно. Что, если они начнут плохо себя вести? Я не знаю, как ты справишься с дисциплиной, если разозлишься на них.

– Обычно, если я злюсь или расстраиваюсь, я дергаю себя за волосы.

– О господи. Ты же представляешь, как это их испугает?

– Тогда я не буду дергать себя за волосы, и еще я иногда играю на пианино, чтобы успокоиться.

– Прости, Салли. Если ты ищешь работу, то сидеть с детьми – это не для тебя. Но, знаешь, я правда считаю, что йога поможет тебе справиться со стрессом. Подумай об этом. Первые два занятия бесплатно. Что скажешь?

Марта снова улыбалась.

– Я подумаю об этом, – сказала я и развернулась к выходу. – Сможете передать Абеби, что я не приду на рождественскую постановку? Дети обычно ужасные актеры.

Она рассмеялась. Видимо, решила, что я шучу.

– Понимаю. Ну, не думаю, что ты много потеряешь.

Я пошла в сторону двери.

– Эй, счастливого Рождества! – крикнула она.

– Счастливого Рождества, особенно детям, – ответила я.

Глава 14

В пятницу, 22 декабря, днем, раздался стук в дверь. Это был почтальон, и он принес посылку – довольно небольшая коробка, но в почтовый ящик не влезла бы. Я положила ее к остальным открыткам и письмам, но тут мне пришло в голову, что надо их открыть. Чего я ждала? Когда я последний раз решила подождать, прежде чем открыть конверт, это закончилось кучей проблем. Десять или двенадцать конвертов адресованы отцу – на некоторых даже стояли даты до его смерти – и несколько для меня.

3 декабря

Рождественские поздравления тебе и Салли, с любовью от Кристин и Дональда!

P. S. Надеюсь, мы не проведем еще один год, так и не увидевшись. Пожалуйста, приезжай к нам поскорее и привези Салли. Она, наверное, едва помнит меня, но я была бы очень рада снова увидеть ее. Она должна знать, что у нее есть еще семья.

Кристин была маминой гламурной сестрой, которая выглядела словно кинозвезда. Я помню, как мама ездила с ней в отпуск за границу и навещала ее в Дублине, и еще их долгие телефонные разговоры. В письме был указан номер телефона и адрес: Доннибрук¹⁰, Дублин 4.

¹⁰ Доннибрук – городской район Дублина.

Дальше была еще одна открытка, уже для меня, но написанная тем же почерком:

16 декабря

Дорогая Салли!

Нам очень жаль слышать о кончине Тома. Я много раз пыталась позвонить тебе, но вы, наверное, сменили телефон. Последний раз мы видели тебя, когда ты была подростком, так что ты, наверное, не помнишь. Я сестра твоей матери. Мы с Джин были близки, но твой отец, видимо, решил закрыться от мира после смерти Джин, и, хоть я и пыталась оставаться на связи, он не проявлял желания поддерживать контакт.

Мы часто думали о вас обоих, но уважали право твоего отца на приватность. К сожалению, у Дональда не очень хорошо со здоровьем, так что мы не смогли присутствовать на похоронах, но он уже дома и выздоравливает. Мы были бы рады приехать провести тебя и помочь, как сможем.

Из статей в прессе я поняла, что ты, должно быть, очень растерялась после смерти Тома. Мы связались с полицией, чтобы объяснить им твои обстоятельства, и вздохнули с облегчением, когда узнали, что ситуация уже под контролем. Я также поговорила с доктором Анджелой Кэффри, и очень рада, что рядом с тобой верный и преданный друг Джин, которому она доверила выступить от твоего имени. ПОЖАЛУЙСТА, позвони. Нам очень хотелось бы увидеть тебя как можно

скорее. Может, ты захочешь присоединиться к нам на Рождество?

Она подписала его – «с любовью» – и оставила телефон.

Имелось еще одно письмо от руки, на странице, вырванной из блокнота. Написано оно было ужасно. Даже адрес указали неполный, но все-таки оно меня нашло.

Сали Даймонд

Ты – дьявольское отродье, и ты получишь наказание. Как ты магла сжечь такого хорошего человека, когда он взял тебя и спас из ада. В аду твое место. Молюсь Деве Марии, что ты туда скоро попадешь, сука. Поздно каются. Яблочко от яблони недалеко падает.

Никакой подписи, и бумага почти порвана в тех местах, где на ручку слишком сильно надавливали. Мы с отцом давно решили, что ада не существует, но автор, очевидно, меня ненавидел, и я занервничала. Но следующая открытка меня успокоила.

Дорогая Салли!

Может быть, ты меня не помнишь, но мы вместе ходили в школу в Роскоммоне с первого по шестой класс и часто сидели за одной партой (потому что больше никто не хотел с нами сидеть!).

Мне ужасно жаль слышать о том, что случилось с твоим папой. Я помню, какой ты была, так что прекрасно понимаю, каким образом ты совершила подобную ошибку, и я хочу, чтобы ты знала – любой отнесся бы к этому так же, если б знал тебя, как я.

Мы никогда особо не разговаривали в школе, но тогда я вообще старалась ни с кем не разговаривать из-за заикания. Но с тех пор мне стало намного лучше. Сразу после того, как я окончила колледж, умерла моя бабушка, мама унаследовала кое-какие деньги и потратила небольшое состояние на частные занятия со специалистами по языковым и речевым нарушениям. Я никогда не стану выступать публично, но теперь могу поддерживать разговор, не застреваю намертво посередине, и, мне кажется, с возрастом и появлением у меня любящего мужа и двоих прекрасных детей я стала гораздо увереннее.

Я часто думала о тебе в течение этих лет и была удивлена, что ты не стала дальше заниматься музыкой. Ты была просто невероятной пианисткой. Иногда я сидела рядом с кабинетом музыки и слушала, как ты играешь, и я была не единственная. Но это, так думаю, из-за того, что ты побоялась расставаться с родителями? Или, может, тревожность не дала тебе уехать из дома? Я не виню тебя. Уезжать было ужасно страшно, но все стало гораздо лучше, чем в школе. Там нас обеих просто травили.

В колледже я впервые нашла по-настоящему понимающих друзей. Я вступила в несколько сообществ по поддержке социально незащищенных групп и сейчас работаю в благотворительном фонде для бездомных. Приходится тяжело, но мы постоянно устраиваем кампании и сборы.

Я не хочу расстраивать тебя упоминанием о твоём

раннем детстве. Я и понятия не имела, что до нашего знакомства в школе с тобой происходил такой кошмар. Неудивительно, что ты такая, но я никогда не видела в тебе опасности или какой-то злобы – ты была просто немного необычная, вот и все. Если хочешь со мной связаться, мои контакты внизу. На самом деле я просто хотела, чтобы ты знала: вокруг очень много людей, которые восхищаются тобой так же, как я. Во-первых, ты смогла выжить в столь чудовищных обстоятельствах в детстве, а во-вторых, ты живешь по своим правилам. Я ходила на похороны твоего отца и думаю, красная шляпа – это очень модный штрих; немного необычно для похорон, но это же ты! Я достаточно хорошо тебя помню, так что не стала пытаться подойти и пожать руку. Ты все время смотрела себе под ноги, как в школе. В общем, просто хочу, чтобы ты знала – я там была.

Всего тебе хорошего, старый друг! (Ничего, что я так говорю? Мне кажется, в те времена мы были вроде как друзья.)

С наилучшими пожеланиями,

Стелла Кофлан

Я отлично помнила Стеллу Кофлан. Заикалась она ужасно. Она вспыхивала каждый раз, когда кто-то пытался с ней заговорить, а если ей задавал вопрос учитель, я чувствовала запах пота, собравшегося у нее под мышками. Иногда она делилась со мной шоколадкой, не произнося ни слова. Стелла не была злой. И да, травили ее нещадно. Ей приходилось ху-

же, чем мне, потому что я едва ли реагировала. Меня этому научила мама. А Стелла часто тихо плакала рядом со мной. Я видела, как у нее вздрагивали плечи, но не знала, что сказать. Позвоню ли я ей когда-нибудь? Может быть.

Было еще одно неприятное письмо с обвинениями в отцеубийстве, но его автор предлагал помолиться за мою душу, идеально знал грамматику и подписался. Остальные открытки в основном оказались набором из соболезнований и поздравлений от людей, которых я почти не знала или имен которых не слышала от отца. Осталось еще два письма и посылка. Оба письма от журналистов, которые просили меня рассказать свою «историю» и сыпали намеками о моем трагическом детстве. «Нация заслуживает ответов», – написал один. Другой предложил 5000 фунтов за «эксклюзив».

Что со мной случилось, прежде чем отец и мама удочерили меня? И почему «нация» уже обо всем знает, а я – нет? У меня возникло искушение позвонить Анджеле, хоть она может и разозлиться. Должно быть, это было что-то плохое. И раз я этого не вспоминала, это не так важно. Я никогда даже не пыталась. Но теперь я припомнила, насколько необычным полицейским показалось то, что мое первое воспоминание – это празднование седьмого дня рождения. У других людей бывают более ранние воспоминания? У меня превосходная память. У меня как-то странно загудела голова. И затряслись руки. Я решила, это нервы. Я немного поиграла на пианино,

пока не почувствовала себя лучше.

Потом вернулась к коробке. Аккуратно ее развернула и сложила бумажку в ящик, где мы храним розжиг и упаковку.

Это оказалась продолговатая обувная коробка, и когда я открыла ее, то мгновенно почувствовала разлившееся внутри теплое сияние. В тонкой оберточной бумаге лежал маленький плюшевый медведь; я выхватила его из коробки и прижала к груди. Тепло разлилось по всему телу – от пяток до кончиков пальцев. Я посадила его перед собой. Он был старый и потрепанный, без глаза, заляпанный и заштопанный, но, глядя на него, я почувствовала... нечто. Я снова обняла его, но задумалась. Почему он производит на меня такой эффект? Почему так согрело его присутствие? Почему про себя я обращаюсь к этой игрушке на «ты»?

– Тоби, – произнесла я вслух. Он не ответил.

Я обшарила коробку в поиске письма или открытки. На желтой клейкой бумажке было написано:

Думаю, ты будешь рада его вернуть.

С.

Глава 15

Я знала этого медведя. Его звали Тоби. Может, его подарила мама? У меня превосходная память. Почему я не могу вспомнить? Он пах пылью и плесенью, но еще и чем-то знакомым. Меня переполняли эмоции, которых я не понимала. Я возбужденно и восторженно смеялась. Я должна была найти «С» и заставить его или ее объясниться. Мне ужасно хотелось позвонить Анджеле, но я держала в голове предостережение отца. С кем еще я могла поговорить об этом? Отец сказал, что объяснит больше в следующем письме, но мне нельзя читать его до четверга. Это одна из тех ситуаций, когда я нуждалась в руководстве. Было поздно. Отец всегда говорил, что неприлично звонить по телефону после девяти вечера.

Я встала и пошла в свою комнату. У меня как будто чуть-чуть подкашивались ноги, но это было приятно. Я подготовилась ко сну, не выпуская Тоби из рук. Я разговаривала с ним, объясняла, что делаю, и приветствовала его в новом доме. Я надеялась, ему будет здесь хорошо. Я представляла, как он отвечает. Я сжала его в объятиях, и у меня слегка закружилась голова – так что не знаю, потеряла ли я сознание или просто заснула.

Той ночью мне приснился сон про худую женщину с длинными волосами. Я сидела у нее на коленях. Это было стран-

но, потому что я никогда не сидела ни у кого на коленях. Еще это было странно, потому что мне никогда раньше не снились сны.

На следующий день я позвонила своей тете Кристин.

– О, дорогая, – вскрикнула она, – какая радость тебя услышать! Мы так беспокоились за тебя.

– У вас до сих пор есть то красное пальто?

– Что? О... это было так давно. Потрясающе, что ты помнишь. Прошло, наверное, лет двадцать с тех пор, как мы с тобой виделись.

– Вы выглядели как кинозвезда. Мне нравилось это пальто. Тетя Кристин, вы помните что-нибудь до того, как вам исполнилось семь лет?

Повисла пауза.

– Ну, да, у меня есть несколько воспоминаний – как мне покупает мороженое в рожке папа – твой дедушка...

– Сколько вам было лет?

– Наверное, три или четыре...

– Я думала, у людей начинают появляться воспоминания только после семи.

– Ну, у всех по-разному.

– Мне кажется, со мной что-то случилось, когда я была младше семи.

Повисла еще одна пауза.

– Салли, могу я приехать повидать тебя?

– Зачем?

– Думаю, будет лучше, если я смогу поговорить с тобой лично.

Меня согрела мысль о том, что я встречу ее снова.

– Могу быть у тебя сегодня к обеду.

– Вы хотите пообедать?

– Нет, просто чашка чая...

– Я могу сделать сэндвичи с ветчиной.

– Это было бы замечательно.

– Не берите с собой Дональда, хорошо?

– Ну ладно, он пока восстанавливается после операции, но почему ты не хочешь его видеть?

– Отец говорил, что он ленивый болван, который женился на вас ради денег.

Тетя рассмеялась.

– Почему вы смеетесь?

– Ох, твой отец. Еще сам говорит о проецировании...

– Я не понимаю. Мне не нравится, когда надо мной смеются.

– О боже, я смеюсь не над *тобой*! Слушай, не переживай. Я не буду брать Дональда.

Я повесила трубку сразу после того, как мы разделались с прощаниями, которые всегда страшно раздражают: «До свидания», «Пока», «До свидания», «До скорого», «Да, пока», «Тогда до свидания»... Это так утомительно.

Через два часа я пошла на кухню делать сэндвичи. Я сма-

стерила слинг из отцовского шарфа, чтобы держать Тоби как можно ближе к сердцу. Я рассказала ему о нашей сегодняшней гостье. Снова спросила про «С». Я не ждала ответа, но мне было приятно с ним разговаривать. Я не чувствовала себя одинокой.

Когда я открыла дверь, за ней стояла тетя Кристин с огромным букетом цветов.

– Дорогая! Боже, сколько лет прошло! Ты такая высокая! И красивая!

Тетя Кристин всегда выглядела как модная копия мамы. Но сейчас она разочаровывающе постарела. Я чуть не сказала это. Кожа на ее лице обвисла, хотя глаза под золотыми тенями и пышными черными ресницами были по-прежнему яркими. Ну, логично. Мама умерла уже очень давно. Я чувствовала себя рядом с тетей вполне спокойно, пока она не попыталась дотронуться на меня, и я отшатнулась.

– Извини, – она подняла руки вверх, как при аресте. – Помнишь, раньше ты разрешала мне подержать тебя за руку? Это правда, но мы давно не практиковались.

Мы пошли на кухню, и я поставила воду и начала заниматься чаем. Я наблюдала за ней. Тетя Кристин посмотрела на меня и улыбнулась.

– Как твои дела? Я смотрю, ты еще не повесила никаких украшений?

– Нет, мы с отцом решили, что это для детей.

Тетя Кристин нахмурилась.

– Я сейчас получаю разные письма, – начала я. – Некоторые люди хотят подружиться со мной. Некоторые меня ненавидят. Мне написали, что я дьявольское отродье.

– Можно посмотреть?

Я показала ей разобранную почту.

– Так, ну это можно отправлять прямо в мусор, – заявила она, взяв в руки злые записки и письма от журналистов. Я согласилась. Мне не хотелось ничего этого хранить, только письмо от моей одноклассницы Стеллы и записку от «С».

– Как ты себя чувствуешь?

– Все в порядке. Отец написал, что мне нужно переехать в деревню. Он говорит, мне вредно жить здесь совсем одной.

– Тебе тут не одиноко?

– У меня есть Тоби, – я показала ей своего медведя.

– Тоби не человек, милая.

– Я знаю. Я не идиотка.

Она ничего не ответила. Мы посмотрели друг на друга. Тетя наклонила голову, и ее глаза смягчились.

– Что со мной случилось до того, как меня удочерили?

Сначала она отвела взгляд, посмотрела в окно, затем в пол, но потом снова мне в лицо. Тетя Кристин осторожно спросила:

– Можно я возьму тебя за руку?

– Зачем?

– Знаешь, прикосновения могут действовать успокаивающе. И это неприятная история.

Я позволила ей взять свою руку и положить ее между ладонями.

– Джин говорила, что ты... была под лекарствами, что, ты ничего не помнишь?

Я кивнула головой.

– Твоя мать – твоя настоящая мать, я имею в виду, она... умерла.

– От чего она умерла?

– Ее похитил мужчина, когда она была совсем молодой, когда она была... ребенком.

Я смотрела передачи и фильмы про мужчин, которые похищают молодых женщин.

– Он запер ее в подвале?

– Да, вернее, нет, это была задняя пристройка к его дому. Он жил в огромном доме на участке в пару тысяч метров в Южном Дублине. Он держал ее там четырнадцать лет.

У меня в голове загудело.

– Пожалуйста, остановитесь.

Тетя погладила мою руку.

Я отвернулась, чтобы наполнить чайник. Взяла сэндвич и съела его. Тетя Кристин сидела молча.

– Хотите?

– Что, извини?

– Хотите сэндвич?

– Нет. Милая, мне так жаль. Это ужасная история. У тебя есть друг, которому я могу позвонить? Что насчет Анджелы?

– Да, я сейчас ей позвоню.

Мы с Тоби вышли в коридор, и я взяла телефон. Анджела не работала по выходным, так что я решила, что не побеспокою ее.

– Анджела? Тут моя тетя Кристин. Она сказала, что мою настоящую мать похитили...

– Черт.

– Что?

– Я хотела быть рядом, когда ты откроешь последнее письмо отца. Оно все объясняет... ну, почти все. Могу я поговорить с Кристин?

Я позвала тетю к телефону и вернулась на кухню. Я не могла расслышать, что именно она говорила, но слышала ее срывающийся голос. А потом услышала, как она повесила трубку. Когда тетя вернулась за кухонный стол, ее глаза были мокрыми от слез.

– Салли, похоже, я все испортила. Анджела уже едет. Давай поговорим о чем-нибудь другом, пока она в пути?

– Вы думаете, она любила меня? Моя настоящая мать?

Тетя Кристин взяла сэндвич.

– О, я думаю, она любила тебя всем сердцем.

– Откуда вы знаете?

– Сэндвичи просто потрясающие. Давай дождемся Анджелу, ладно?

– Мне сделать еще сэндвичей, для нее?

– Я сделаю. Хорошо, что Тоби не ест, а то у нас бы кон-

чился хлеб.

– Сколько тебе сейчас лет, Салли?

– Сорок три. А вам сколько?

– Шестьдесят семь.

– А моя настоящая мама вышла замуж?

– Нет... Давай дождемся Анджели.

– Хорошо. Хотите поддержать Тоби?

Она не рассмотрела его как следует, а я хотела показать его.

– Боже, какой он перепачканный.

– Да, сегодня мы с ним примем ванну.

– Хм, не думаю, что макать его в воду хорошая идея. Это может плохо кончиться. Он совсем старый. Может, попробуем его немного почистить? Очень осторожно, пока ждем Анджелу?

Тетя Кристин наполнила раковину мыльной водой и стала чистить Тоби маленькой щеткой с мягкой щетиной, пока я держала его за лапы. В воду закапала коричневая пена.

– Не понимаю, где он побывал?

– Я не знаю. Он вчера пришел по почте с запиской, подписанной «С». Но я сразу поняла, что он мой и что его зовут Тоби. Но я не знаю, откуда он у меня взялся. Может, мне подарила его мама, но я такого не помню, а память у меня обычно превосходная.

– «С»? – переспросила она. Я повернулась, чтобы еще раз показать ей записку.

– Вы знаете, кто этот «С»?

Тетя Кристин чуть не уронила Тоби в воду, и я едва успела поймать его.

– О господи, нам нельзя было его трогать и мыть!

– Почему? Он грязный. Это надо сделать. – Теперь уже я стала аккуратно его мыть, вытирая маленький носик и мягкую коричневую морду тряпкой из микрофибры. Тетя Кристин начала шагать по комнате, крепко сцепив руки.

Когда снова раздался звонок в дверь, тетя Кристин резко подскочила и побежала открывать. Я слышала, как женщины перешептывались в коридоре, пока Анджела обнимала тетю. Они так запросто обнимались, хотя виделись, наверное, много лет назад!

Анджела быстрым шагом вошла в комнату.

– Салли, я думаю, тебе не стоит трогать этого медведя.

– Почему?

– Положи его, пожалуйста, – голос у нее звучал твердо.

– Он мой. Его зовут Тоби.

– Откуда ты знаешь?

– Я не знаю, откуда. Просто знаю. Я люблю его.

Я сама испугалась силе своих слов. Я чувствовала острую необходимость защищать эту игрушку и держать ее как можно ближе к себе. Я видела, что Анджела удивилась.

– Тебе не стоило прикасаться к нему. – Она посмотрела на взъерошенного медведя. – Полагаю, теперь слишком поздно.

Его трогали и мыли.

Голос тети Кристин становился все выше:

– Прости, я ничего не знала до того момента, как мы уже начали его мыть. Я не видела Салли двадцать лет. Я думала, он ее.

Я начала нервничать.

– Он *мой*. Я... чувствую это. Я оставлю его. – Я прижала его мокрое туловище к себе и почувствовала, как у меня намокает грудь.

– Это может быть уликой, – объяснила Анджела. – У тебя осталась упаковка, в которой он пришел?

– Я не понимаю! – закричала я. – Ты говоришь какую-то ерунду!

Я совершенно растерялась, и гул в голове уже не прекращался. Я начала дергать себя за волосы, когда Анджела мягко спросила меня, когда его доставили.

– Могу я обнять тебя рукой за плечи, Салли?

Я кивнула, и только крепче прижимая к себе Тоби, почувствовала теплоту и естественность объятий. Какое-то время мы стояли неподвижно, пока моя ярость не улеглась.

– Нужно сесть в гостиной и немножко успокоиться. Это настоящий шок, но нам нужно тебе еще кое-что рассказать, – сказала тетя Кристин.

– Во-первых, мне нужна упаковка, – попросила Анджела.

– Там была коробка, – сказала я.

Я нашла коробку и бумагу.

– Марки новозеландские. Доставлено экспресс-почтой. Коробка из обувного магазина. У полиции наконец появятся зацепки, – выдохнула Анджела.

– О чем вы говорите?

– Думаю, тебе нужно прочитать последнее письмо отца, а потом я отвечу на все вопросы, на которые смогу, хорошо?

Мы вместе прошли в гостиную. У меня ужасно кружилась голова. Тетя Кристин спросила Анджелу, нет ли у нее таблеток, чтобы привести меня в норму.

– Салли должна быть в состоянии четко воспринимать новости.

Я принесла письмо отца из его кабинета.

– Я должна дождаться чет...

– Твой отец не стал бы возражать, правда, – заверила тетя Кристин.

Они подвели меня к дивану и сели по обе стороны. Я попросила их пересесть на стулья.

Часть вторая

Глава 16

Питер, 1974

Я помню себя маленьким в большой комнате с видом на море. За мной – стена из книг, и я сижу за длинным обеденным столом напротив отца. Прежде чем уйти на работу, каждый будний день он завтракал со мной, и мы вместе слушали радио. Потом отец угощал меня печеньями и фруктами и оставлял раскраску с карандашами. Он диктовал мне домашнее задание на день и запирал в моей белой спальне в пристройке. Там было огромное окно во всю стену, выходящее в сад, горшок под кроватью, полка с четырьмя книгами и шкаф с одеждой.

Дни тянулись бесконечно, но когда отец возвращался домой, он отпирает дверь, хватал меня на руки и нес обратно в главный дом. Готовил мне горячий ужин и проверял домашнее задание: читал, писал и исправлял, а потом мы вместе смотрели телевизор до вечера, хотя отец никогда не мог объяснить, как эти крошечные люди попадают в коробку телевизора. Я часто слышал, как отец играет на пианино, и иногда просыпался по ночам, когда он отпирает соседнюю дверь.

По субботам и воскресеньям, если погода стояла хорошая, мне разрешалось выходить в сад, и я помогал ему с огородом. Я собирал в маленькие кучки скошенную траву или птичьи гнезда, и он делал из них костры.

Пристройка находилась в смешном здании сбоку от дома. Туда вела дверь из кладовки на первом этаже. Рядом с моей спальней была еще одна комната. Время от времени я слышал шум, доносящийся из-за другой двери. Чаще всего плач и вой. Отец говорил, что там он держит призрака, но я мог не волноваться, потому что он никогда оттуда не выберется. И отец был прав – он никогда не выбирался. Но иногда звуки были очень страшные. Когда становилось совсем жутко, отец говорил мне лечь под одеяло и зажать руками уши и, наверное, шел в другую комнату, чтобы сказать призраку вести себя потише, потому что после этого оттуда еще несколько дней не было слышно ни писка.

Перед сном отец читал мне сказку, целовал в лоб, и мы вместе произносили молитву, а потом он снова запирали дверь, чтобы до утра со мной ничего не случилось.

Каждый год, в мой день рождения, 7 августа, у нас был Особый День. Отец не шел на работу. В первый раз, который я помню, отец принес домой палатку, и мы разбили ее в саду. Он развел костер, и мы жарили на нем сосиски. Мы спали в спальнях мешках прямо в палатке. А потом, попозже, отец разбудил меня, когда было уже совсем темно. Он вытащил меня на улицу и запустил фейерверки, так что чернильное

летнее небо разорвали взрывы света и грохота, и это была самая потрясающая картина в моей жизни.

Следующий день рождения был страшный. Мне исполнилось семь лет, кажется. Я испугался, когда мы на отцовской машине выехали из ворот в дальнем конце сада и свернули на дорогу. Меня затошнило. Я раньше никогда не сидел у него в машине, хотя помогал мыть ее по воскресеньям. Он положил подушку на переднее сиденье, чтобы я мог все видеть в окно. А еще дал мне пакет на тот случай, если меня вырвет. Но это быстро прошло. За воротами стояли люди – такого же размера, что и мы с отцом, и женщина. Я раньше видел их только по телевизору и в книгах, но эта была обычного размера.

Мы долго ехали на машине в зоопарк. Я боялся, что мы потом не найдем дорогу домой, но отец заверил, что он всегда сможет найти дом.

Я был в ужасе, когда отпустил отцовскую руку. Люди заинтересовали меня больше, чем животные. Они прогуливались целыми группами – матери с детьми и младенцами в колясках, мамы и папы, держащиеся за руки. Группки детей – мальчиков *и* девочек, – бегающие друг за другом. Отец пытался заставить меня смотреть на шимпанзе и слонов, но я слушал, как люди разговаривают друг с другом. Отец купил мне фруктовый лед и велел не смотреть на других людей, но я ничего не мог с собой поделаться. Отца остановил какой-то мужчина и начал с ним разговаривать. Я спрятался за отцов-

ской ногой. Отец сказал, что я его крестный сын. Я видел, что он не хочет разговаривать с тем другим мужчиной, так что мы быстро ушли, и отец заявил, что нам пора домой. Я был рад.

У меня появилось много вопросов. Я спросил его, какая разница между обычным сыном и крестным сыном, и он ответил, что крестный сын – это ребенок, который верит в Бога на кресте. А я, определенно, верил.

Я спросил отца, все ли женщины плохие. Он объяснил, что большинство. Я сказал, что в телевизоре и в моих книжках есть очень милые, но, по его словам, телевизор и сказки – это выдумка. Я спросил, была ли у меня мама, и он ответил, что да, но сейчас она превратилась в призрака. На двери по соседству от моей спальни в пристройке висел большой навесной замок. Я спросил, превратилась ли моя мама в того самого призрака, который живет в той комнате и постоянно плачет и воет. Отец сказал – так и есть, но я мог не волноваться, потому что я никогда ее не увижу.

Глава 17

Салли

Я открывала конверт трясущимися руками.

Дорогая Салли!

Я надеюсь, к этому времени ты уже немного оправилась после моей смерти.

Есть то, о чем мне нужно было постепенно начать тебе рассказывать уже очень давно. Я не хочу, чтобы эти новости тебя потрясли. Все уже в прошлом, и для тебя это ничего не изменит, если только ты сама не захочешь, но мне кажется, ты – человек привычки и оставишь все как есть.

Твое имя при рождении: Мэри Нортон. Нортон – фамилия твоей матери. Полагаю, она не выбрала бы для тебя фамилию отца. Все оригиналы медицинских отчетов и несколько газетных вырезок лежат в коробке у меня под столом с надписью «ЛИЧНОЕ». Когда ты оказалась у нас, мы решили, что теперь ты новый человек. Ты стала нашей Салли Даймонд.

Ты немного странная совсем не потому, что у тебя что-то не так с мозгами, а потому, что ты росла в жутких и противоестественных условиях, прежде чем тебя обнаружили.

В возрасте двенадцати лет, в 1966 году, твою мать, Дениз Нортон, похитил Конор Гири. Он

подвергал ее психологическому и сексуальному насилию на протяжении следующих четырнадцати лет. Насколько мы можем судить, ты родилась через восемь лет после похищения. Твоя родная мать не была уверена насчет точной даты или даже года, но ее предположения и расчеты моих коллег-врачей сошлись на том, что ты должна была родиться, вероятно, где-то во второй половине 1974 года. Твое рождение, по очевидным причинам, не зарегистрировали, так что дата рождения на твоём свидетельстве об удочерении может быть неточной. Мне неприятно тебе это говорить, но Конор Гири, похититель, – твой родной отец.

Семья Дениз Нортон искала ее годами. Ее нашли только в марте 1980 года, благодаря анонимному сообщению в полицию. Тебя и твою родную мать нашли за несколько дней. Вас обнаружили в чудовищном состоянии, в индивидуальной пристройке к дому Конора Гири в Киллини, в Дублине. Окна в комнате твоей матери были заколочены. Там было темно и сыро. Имелась электрическая плитка и холодильник. На полу лежал матрас, а за стенкой располагались туалет и раковина. Твоя спальня по соседству оказалась светлой и просторной, с огромным окном, выходящим в сад. Вы обе были страшно истощены, но если ты не произносила практически ни звука и была, очевидно, перепугана внезапным освобождением, то Дениз страдала от серьезных психических расстройств. Не думаю, что стоит даже пытаться представить, что

у нее тогда творилось в голове. Сначала она буквально озверела и пыталась наброситься на любого, кто к ней подходил. Вас обеих пришлось анестезировать, чтобы провести медицинский осмотр. Обычные седативные оказались недостаточно сильны. Изначально никто не предполагал, что вас с ней придется разлучить насовсем.

Джин была отлично квалифицирована. Она прошла дополнительную специальную стажировку в детской и подростковой психиатрии, прежде чем получить диплом терапевта, еще до твоего обнаружения. Тебя и твою мать направили в психиатрическую больницу Сент-Мэри, где я тогда работал старшим врачом. Было сформировано специальное отделение, и я набрал туда группу энтузиастов, которые должны были присматривать за вами обеими. Поскольку существовали определенные опасения в связи с твоим развитием и психическим здоровьем, я попросил, чтобы Джин стала моей помощницей в Сент-Мэри. Мы уже были женаты, так что проблем не возникло. Мы сутками работали как одна команда и практически жили вместе с тобой в отделении, как и весь остальной персонал.

Мне так и не удалось заслужить доверие Дениз, но в свое оправдание скажу, что я старался изо всех сил, и, если б у меня было больше времени, я бы сумел помочь ей адаптироваться. Не думаю, что она когда-нибудь смогла бы жить «нормальной» жизнью после всех ужасов, которые перенесла. Изначально моей

целью было найти для нее какое-нибудь учреждение открытого типа, где у нее будет доступ к внешнему миру и круглосуточная психологическая и медицинская помощь. Но тебе для длительного проживания такое место не подходило, и я решительно настаивал на том, что вас нужно разделить на определенном этапе – когда Дениз будет готова. Она до сих пор кормила тебя грудью. Неслыханно для пятилетнего ребенка. Джин показала Дениз, как кормить тебя из бутылочки, но твоя мать яростно воспротивилась. У нас ничего не получилось, ты кричала и рвала на себе волосы, и в какой-то момент мы вынуждены были прийти к радикальному решению. Я всегда буду о нем сожалеть, хотя и не до конца.

Сейчас я понимаю, это было слишком резко и, наверное, даже жестоко, но мы беспокоились о твоём будущем. Я был убежден, что в таком юном возрасте тебя еще можно полностью перевоспитать – и это оказалось правдой – и что у тебя есть шанс на нормальную жизнь. Вы с матерью находились в отделении четырнадцать месяцев, и за все это время нам ни разу не удалось различить тебя с Дениз. Это было очень тяжелое время, которое оставило глубокий отпечаток на всех, кто наблюдал за кем-то из вас.

Я видел тебя с твоей родной матерью почти каждый день. Она отказывалась говорить о Коноре Гири, но при этом упорно отрицала, что он когда-либо сексуально домогался тебя или что ты была свидетельницей насилия по отношению к ней. Во время

изнасилований тебя заперли в ванной. Медицинский осмотр также подтвердил, что он никогда не применял к тебе сексуальное насилие, и это, вероятно, многое объясняет. Однако мы не можем быть уверены, что он не нанес тебе психологических травм, потому что твою мать он оставил и психологически, и эмоционально сломленной. Он удалял ей зубы в качестве наказания. Конор Гири был дантистом.

Твоя мать добровольно рассталась с жизнью в мае 1981 года, в первую же ночь, которую ты провела в отдельной комнате вместе с Джин. Мы совершали ошибки, но мы не хотели причинить вреда никому из вас. До самой моей смерти, которая уже очень скоро наступит, я буду чувствовать ответственность за смерть твоей матери. Было проведено короткое внутреннее расследование, и с меня сразу сняли обвинения в медицинской халатности, но я действительно ощущаю себя виноватым, Салли. Я должен был найти другой способ.

Мы с Джин обратились одновременно в Совет по усыновлению и в Министерство здравоохранения. Нам не повезло иметь собственных детей. Все согласилось, что семья психиатра и квалифицированного терапевта, которая собирается в ближайшее время покинуть Дублин, – это лучший выбор. Мы чувствовали, что сможем обеспечить тебе безопасность и стабильность, и я надеюсь, нам это удалось и ты чувствовала себя рядом с нами спокойно. Потерять Джин так рано было трагедией, но мы

неплохо справились – я и ты, – как думаешь?

Только из-за этого очень раннего опыта ты бываешь социально и эмоционально выключена. Твоя склонность воспринимать все буквально – отголосок долгих лет социальной изоляции в заточении. Это невероятное везение, что у тебя не осталось никаких воспоминаний о том времени, когда мы еще не привезли тебя домой. Я настойчиво рекомендую тебе не предпринимать никаких попыток воскресить эти воспоминания, потому что знаю – они лишь травмируют.

Итак, теперь ты знаешь. Для меня писать это письмо было очень тяжело. Не знаю, может, лучше бы тебе было никогда не узнать всех подробностей этой истории. Никто в Каррикииди не знает твою полную биографию, даже Анджела. Джин рассказала своей семье, но взяла с них клятву держать все в строжайшем секрете. Когда в 1980-м тебя нашли, как ты понимаешь, в СМИ поднялся жуткий шум, и мы сделали все возможное, чтобы уберечь тебя от прессы.

Слава богу, мое имя в новостях не фигурировало. Полиция согласилась выпустить пресс-релиз и заявить, что тебя удочерила семья из Великобритании. Я перевез нас из Дублина сразу же, как только ты смогла покинуть отделение.

А теперь я наконец говорю тебе до свидания, моя милая, и оставляю тебе массу поводов для размышлений. Ты совершенно не обязана ничего предпринимать в связи с этой информацией. Но

если тебе нужно с кем-то поговорить, покажи это письмо Анджеле. Она будет шокирована, но сможет оказать практическую и эмоциональную поддержку, если понадобится.

Я желаю тебе здоровья, счастья и спокойной жизни.

Твой любящий отец

Когда я наконец прекратила чтение, то заметила, что Анджела и тетя Кристин о чем-то перешептываются.

– У тебя есть какие-нибудь вопросы к нам?

У меня было столько вопросов, что я не знала, с чего начать.

– Можно мне немного виски, пожалуйста?

Тетя Кристин взглянула на Анджелу, и та кивнула.

– Думаю, нам всем не помешает виски.

– Это та травма, которую имел в виду отец, когда говорил про ПТСР.

– Салли, что ты думаешь насчет того, чтобы я осталась на ночь? Ты не будешь против? – уточнила тетя Кристин.

– Мне кажется, это хорошая идея, тебе нужно налаживать отношения с семьей, которая у тебя осталась, – сказала Анджела. – Кристин может переночевать в комнате твоего отца. Я пойду наверх и застелю постель.

Я совершила некоторые мысленные подсчеты.

– Если моей родной матери было девятнадцать, когда я родилась, что насчет ее отца и матери, моих дедушки и ба-

бушки? Они живы? И есть ли у меня настоящие дядя или тетя? И как насчет других родственников?

Анджела посмотрела на тетю Кристин.

– Мне бы тоже хотелось знать ответы на эти вопросы. Я не могу поверить, что проработала вместе с Джин восемь лет, а она ни разу мне ничего об этом не рассказывала. Она говорила, что занималась детской психиатрией в рамках обучения на врача, но никогда – что была задействована в деле Дениз Нортон. Я знала, что Том был психиатром, но больше не практиковал. Я думала, он пишет научные работы и статьи в медицинские журналы. Время от времени Джин просила его побеседовать с пациентами, но только чтобы вызов остался зарегистрированным. – Анджела вздохнула, прежде чем продолжить. – Салли, я ничего об этом не знала, пока не прочла письма в тот день... когда приехала полиция. Мне пришлось их отксерить и отдать им. В свое время дело Дениз Нортон гремело на всю страну, но твою личность держали в секрете. Полиция прочла письма твоего отца, и у них есть копии всех его документов, так что кто-то, видимо, слил информацию, что ты – Мэри Нортон. Вот почему пресса и фотографы объявились на похоронах, и вот как у них оказались твой адрес и телефон. Кристин сказала мне, что они тебе писали.

– В газетах появились твои фотографии, Салли, на похоронах. Поэтому мы за тебя так волновались, – объяснила тетя Кристин. – Я всегда знала правду. Но Джин и Том так от-

чаянно боролись за твою тайну! Джин хотела рассказать все, как только тебе исполнится восемнадцать, но Том... он не соглашался. И вскоре после этого она умерла.

– Вы не ответили на мой вопрос по поводу других родственников. – Я взглянула на тетю Кристин, отхлебнув виски, и она залпом опрокинула свой стакан.

– Родители Дениз отчаянно желали воссоединиться с ней. Но, как мне рассказывала Джин, встреча произошла не очень хорошо. Когда твои настоящие дедушка и бабушка, Сэм и Жаклин Нортон, впервые снова увиделись с Дениз, она напала на них с кулаками, особенно на отца. Ярость, накопленная за четырнадцать лет, выплеснулась в форме ненависти к людям, которые любили ее больше всего. Есть еще кое-что, и это может тебя расстроить. Они были полностью уверены, что заберут Дениз домой после ее лечения, но они не допускали даже мысли взять тебя. Ты была *его* ребенком. Ты должна попытаться посмотреть на это их глазами. Если б они привели тебя в свой дом, они привели бы и частичку Конора Гири.

Я вспомнила злое письмо, где меня называли дьявольским отродьем.

– После смерти Дениз в психиатрическом отделении они были уже сломленными людьми. Они переехали во Францию.

– Они никогда не выходили на связь, чтобы выяснить, что стало со мной? Тетя Кристин?

– Полагаю, они много раз об этом задумывались, но, боюсь, ты могла быть лишь печальным напоминанием о дочери, которую они потеряли. Салли, ты абсолютно уверена, что узнаешь этого медведя, он совершенно точно твой?

– Он мой, – заявила я, еще крепче прижав его к себе.

Они продолжали менять темы, перескакивая с одного на другое. Я налила себе еще виски. Тетя Кристин тоже. Она предложила и Анджеле, но та покачала головой.

– Дорогая, – начала тетя Кристин мягким голосом, – твой родной отец сбежал за несколько дней до того, как тебя с Дениз обнаружили. Он опустошил свой банковский счет и бросил машину на Восточной пристани в Дун-Лэаре. Он мог утопиться, но тела не нашли. Похоже, он сел на паром до Холлихеда. Конор точно покинул страну. У него не было паспорта – в те времена, чтобы попасть в Великобританию, он не требовался, – но у него имелись деньги. Зачем ему снимать все деньги со счета, если он планировал покончить с собой? Никто не знает, куда он отправился. Его так и не поймали.

– Я думаю, это он послал тебе медведя, – выдохнула Анджела.

Мои руки машинально потянулись к волосам, но потом снова схватили Тоби. Я не могла его отпустить.

Глава 18

Питер, 1974

Отец ошибался насчет того, что я никогда не увижу призрака из соседней комнаты. В середине сентября он сказал, что должен уехать на выходные и в его отсутствие я должен остаться в *ее* комнате.

– С призраком?

– Да, но она тебя не обидит. Она твоя мать.

Я был в ужасе от такой перспективы.

– Не волнуйся, – успокоил он. – Это всего на два дня, и ты будешь за главного. Она должна делать все, что ты скажешь, а если откажется, можешь отобрать у нее еду. Если она что-то сделает, что тебе не понравится, я разрешаю тебе ее пнуть. Не отвечай ни на какие ее вопросы. Это единственное правило.

– Я думал, пинать людей – нехорошо.

– Она не человек, она призрак. Так что ничего страшного.

Я совсем расстроился и закричал:

– Но я не хочу оставаться с призраком!

– Ты слишком маленький, чтобы оставаться одному на целые выходные, и, кроме того, призрак хочет увидеть тебя. Она умоляла меня об этом... много лет.

– Почему?

– Потому что она твоя мать.

– Она может напасть на меня?

– Я тебя уверяю, что нет.

– Она мертвая? – У меня было какое-то туманное представление, что призраки – это мертвые люди.

– Нет, не совсем.

– Но почему она в той комнате?

– Ты слишком мал, чтобы понимать некоторые вещи. Все, никаких больше вопросов. Я положу тебе спальный мешок, и можешь взять с собой свое любимое одеяло и две любые книги. Еще можешь взять лампу с тумбочки.

Все это никак не уменьшило мой страх.

После ужина в пятницу отец повел меня в ее комнату. Там было темно и тихо, пока он не подключил мою лампу к розетке рядом с дверью. А потом я услышал призрака.

– Питер? Это ты? – Ее голос дрожал, и она вылезла из-под одеяла и потянулась ко мне. Отец подошел прямо к ней и с размаху ударил по лицу.

– Видишь? Вот что нужно делать, если тебе что-то не нравится. Она ничего тебе не сделает. Она знает, что будет, если она как-то тебя расстроит. – Его голос звучал легко, ровно и успокаивал меня.

Отец поставил рядом со мной большой бумажный пакет с едой.

– Это для тебя, не для нее, понятно? У нее есть своя еда. – Она заползла обратно под одеяло, и я не успел как следует

разглядеть ее лицо. Отец показал мне спальник, который лежал прямо рядом с дверью, в которую мы вошли. Еще показал, где включается свет в туалете и ванной, и напомнил чистить зубы и умываться каждый вечер. Затем показал холодильник и плиту и сказал, что завтра на ужин она сделает мне пюре с фасолью и беконом. Он вернется в воскресенье утром.

– Мне тут не нравится, – прохныкал я. В комнате было темно, душно и плохо пахло. Отец поднял меня на руки.

– Тебе нечего бояться, обещаю. – Он поцеловал меня в макушку, пошел к двери, и я услышал, как с другой стороны щелкнул замок. Я сразу побежал к двери и начал колотить в нее своими маленькими кулачками.

– Пожалуйста, не оставляй меня здесь! Я боюсь призрака! – кричал я. Но с другой стороны ничего не было слышно. Отец ушел.

Она снова высунула голову из-под одеяла. Потом села.

– Питер, не бойся. Я так по тебе скучала, – сказала она. У нее были длинные и спутанные волосы, а нескольких зубов не хватало, но ее глаза сверкали. На нижней половине щеки расплылся темный синяк. – Я твоя мама, ты не помнишь меня?

Я вжался в дверь. Что-то в ней показалось мне знакомым, но я ужасно боялся ее.

– Ты жил тут вместе со мной, пока он не забрал тебя, когда ты научился ходить, говорить и приучился к туалету. Он

иногда отбирал тебя, но я не думала, что тебя заберут насовсем. Я не выходила из этой комнаты уже... Я даже не знаю, сколько лет...

Она говорила очень быстро, слова путались. Призрак поднялась, и я увидел, что одна из ее лодыжек прикована цепью к кольцу в стене. Она могла дойти до туалета и до кухни, но до меня дотянуться не могла. Ее ноги и руки были очень худые, зато живот огромный, и она опустила руки, чтобы поддержать его ладонями. На ней была рубашка до колен и длинная юбка, которая спереди не доходила до пола. На ногах – пара шерстяных носков.

– Какой сегодня день?

Я не хотел с ней говорить. Я быстро побежал в туалет, нажал на выключатель, оставил дверь открытой и пописал в унитаз. Когда я вышел, она уже могла до меня достать. Призрак протянула ко мне руку.

– Я хотела назвать тебя Сэм, в честь папы, но он сказал, что ты будешь Питером. Я родила тебя прямо здесь, в этой комнате.

Я грубо оттолкнул ее руку. Отец сказал, я могу пнуть ее, так что я ударил ее правой ногой.

– Ай, – ахнула она, но не заплакала.

– Открой шторы, – велел я.

Она посмотрела на меня распахнутыми глазами.

– Их тут нет. Здесь нет окон.

Я ударил ее по лицу, как отец.

– Пожалуйста, не бей меня, – прохныкала она. – Он не научил тебя, что бить людей – это плохо?

– Папа сказал, что тебя я могу бить. Почему здесь нет окон? У меня в комнате есть окно.

– Ему нравится держать меня в темноте. Тут было окно, когда я только пришла, но он заколотил его снаружи. – Я знал это заколоченное окно, но в этих сумерках не мог толком сообразить, где оно. Единственный свет шел из туалета и от моей лампы.

– Зачем он это сделал?

– Чтобы наказать.

– А что ты сделала?

– Не помню.

– Наверное, что-то очень плохое.

– Я пыталась бежать, он поймал меня, и тогда я укусила его!

– Ой, – я снова убежал в другой конец комнаты.

– Тебя я не укушу. Я тебя люблю.

Я ничего не ответил.

– Здесь сейчас так приятно и тепло. Хорошо, что он не привел тебя зимой. Сейчас же лето, да?

Я чуть было не ответил, но прикусил язык. Был сентябрь.

– Ты совсем меня не помнишь? Ты знаешь, какой сейчас год? Или месяц?

– Да.

– Скажешь мне?

– Нет.

– Пожалуйста. Это важно. Я здесь с июня 1966 года. Мне тогда было двенадцать. Думаю, ты родился через год, но я не помню, сколько лет назад это было.

– Отец сказал ничего тебе не говорить.

– Сколько тебе лет?

– Где ты была раньше?

– У меня были родители и друзья, и школа, и собственная спальня с окнами. Он говорит, это все мое воображение, но я помню.

– Кто говорит?

– Мужчина.

– Мой папа?

Она кивнула.

– Как его зовут? – спросила она.

Я знал, что его зовут Конор Гири, но не собирался ей отвечать.

– Можешь называть меня мамой. Знаешь, мне бы очень хотелось тебя обнять, поддержать за руку... Ты только научился говорить, когда он забрал тебя. Ты знал только несколько слов: мама, кровать, печенье и молоко. И вот тогда он тебя забрал. Не помнишь?

В голове промелькнуло какое-то воспоминание. Я спал рядом с ней на этом матрасе.

– Замолчи.

Какое-то время призрак молчала, но смотрела на меня в

темноте.

– Можешь поднести лампу чуточку ближе? Чтобы я могла тебя как следует рассмотреть?

– Нет.

– Я хочу тебе кое-что показать. – Она обернулась к полке за своей спиной и взяла плюшевого медведя. – Ты помнишь Тоби? – Это был милый мишка с красной ленточкой на шее. – Он был моим. А когда ты родился, то стал твоим. Хочешь его назад?

Тоби я помнил лучше, чем ее. Теперь он был совсем грязный, и одного глаза не хватало. Мне было неприятно на него смотреть. Мне очень хотелось взять его, но что-то меня удерживало.

– Нет, спасибо.

– Я думала, что никогда больше тебя не увижу.

– Почему у тебя такой большой живот?

– Думаю, у меня будет еще один ребенок. Ты тоже когда-то находился у меня в животе, как он. У тебя скоро будет маленький братик или сестричка.

– Как ребенок там оказался?

– Из-за него.

– Но как?

Призрак какое-то время молчала.

– Отец запирает меня днем в комнате по будням.

– Значит, сейчас выходной?

– Сейчас пятница, – сказал я, но потом закрыл рот рука-

ми, потому что нарушил отцовское правило не отвечать на вопросы. – Или, может быть, четверг, – быстро добавил я.

– Это неважно. Я не скажу ему, что ты мне что-то рассказал. Надеюсь, тебя он никогда не наказывает. Жаль, что тебя он тоже запирает.

Я должен был снова стать главным, как велел отец.

– Он не запирает меня в *таком* месте. У меня есть огромное окно, и я могу смотреть на сад, и у меня есть книжки и игрушки.

– Мы рядом с морем? Иногда мне кажется, что я его слышу...

Было сложно не отвечать на ее вопросы. Я понимал, что из этой комнаты нельзя услышать море. Тут везде к стенам были прибиты разорванные картонные коробки.

– Если ты спросишь меня еще что-нибудь, я снова тебя пну.

– Ладно. А ты не хочешь что-нибудь спросить у меня?

– Нет. Я хочу, чтобы ты молчала. Я вообще не хочу здесь быть. Я хочу обратно в свою комнату.

Призрак уселась обратно на матрас и громко застонала.

– Хватит издавать эти звуки.

– Я ничего не могу поделать. Беременность – это иногда больно. Это ребенок, твой брат или сестра.

– А кто?

– Я не знаю.

– Почему?

– Потому что ты не узнаешь, мальчик это или девочка, пока он не родится.

– Не хочу сестру.

– Я так хотела забрать тебя!

– Сюда?

– Нет, домой к моим родителям.

Я ничего не сказал. Мне не хотелось, чтобы она была моей мамой.

Я достал из сумки яблоко. Отец всегда говорит, что нужно съесть что-нибудь полезное, прежде чем есть сладкое. Я откусил большой кусок и стал жевать. Она смотрела прямо на меня.

– Ляг обратно под одеяло.

Призрак послушалась, но я видел, что там осталась маленькая щелочка, через которую она продолжала смотреть на меня. Я подошел и ударил прямо туда. Она ахнула, потом снова приподнялась, только на этот раз ее лицо оказалось в крови.

– Прости, прости, – пролепетала она и заплакала.

Мне было неприятно смотреть на ее окровавленное лицо.

– Ложись обратно под одеяло и не смотри на меня. Глупая женщина.

Глава 19

Салли

– Думаю, нам нужно отнести медвежонка, записку, коробку и оберточную бумагу в полицию. Может, они смогут найти там следы ДНК, – предложила тетя Кристин.

– Сомневаюсь, – ответила Анджела. – Вы двое уже смыли большую часть улик. Мы все брали в руки коробку и бумагу. Так же, как и работники почты в Новой Зеландии и Ирландии и во всех промежуточных пунктах. Но, думаю, они смогут извлечь какую-то информацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.